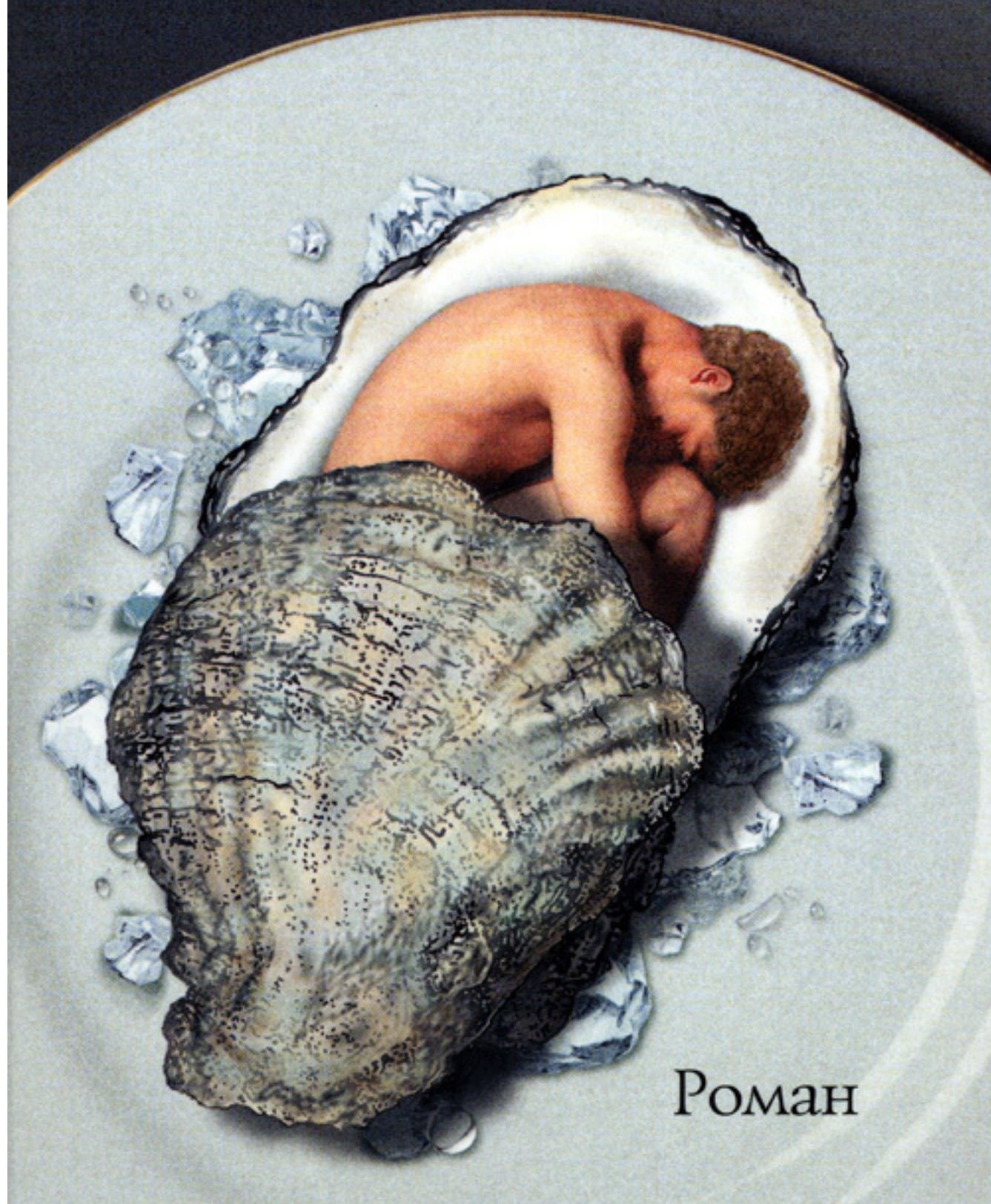

Ольга
Погодина-Кузмина

Адамово яблоко

Роман

Ольга Погодина-Кузмина

Адамово Яблоко

«Ольга Погодина-Кузмина»

2011

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Погодина-Кузмина О.

Адамово Яблоко / О. Погодина-Кузмина — «Ольга Погодина-Кузмина», 2011

ISBN 978-5-17-075119-8

Ольга Погодина-Кузмина – известный драматург, сценарист, лауреат премий «Новая драма» и «Евразия». Автор пьес «Мармелад» (2003), «Сухобезводное» (2006), «Глиняная яма» (2007). «Адамово яблоко» – ее дебютный роман, и в нем сразу чувствуется крепкая рука драматурга. Захватывающий, напряженный сюжет, яркие характеры. Бизнес, политика, новые русские и новые бедные, любовь-чувство и любовь-провокация. Место действия – Петербург, Москва, русская провинция, Европа. Год с небольшим проживают герои от начала до завершения повествования, в центре которого незаурядная любовная связь харизматичного процветающего бизнесмена и юноши «из простых». История душевных смут героев рассказана чрезвычайно увлекательно, действие не отпускает с первых страниц и до конца.

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-17-075119-8

© Погодина-Кузмина О., 2011
© Ольга Погодина-Кузмина, 2011

Содержание

Часть I	6
Глава первая. Георгий	6
Глава вторая. Игорь	17
Глава третья. Максим	31
Глава четвертая. Нежная добыча	42
Глава пятая. Марьяна	49
Глава шестая. Симпосий	54
Глава седьмая. Пигмалион	66
Глава восьмая. Числа	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ольга Погодина-Кузмина

Адамово яблоко

© Ольга Погодина-Кузмина

© ООО «Издательство Астрель»

* * *

О. В. с любовью, без которой не была бы написана эта книга

Часть I

Глава первая. Георгий

*И ведам стал мне круговратных звезд собор,
Несущих зной и холод, узнаю владык,
Воздушных вещеносцев.*

Эсхил

– Как ты, душа моя? Дай галстук посмотрю, – Марков пощупал ткань, словно приценивался.

– Я в порядке, – ответил Георгий. – Ты давно тут?

– Подъехал минут десять.

В сумеречном фойе кружились по стенам хлопья света, булькали в невидимых динамиках этнические напевы. Полуодетые девушки в золотых париках разносили шампанское, и ароматы крепких духов смешивались с запахами свежей штукатурки и вездесущей строительной пыли, которая будет оседать в новом здании еще несколько недель.

Марков подмигнул одной из девиц.

– Красава, сообрази-ка нам два вискаря со льдом. А то от этого «Мондору» у меня газы, а от газов страдает личная жизнь.

Трое арендаторов и представитель дружественных конкурентов подошли с бокалами в руках.

– А ничего так отстроились, поздравления. Есть же люди. Даже черные и белые полосы у них из шоколада.

– Берут от жизни всё.

– Да мы бы взяли всё, господа партнеры, но куда это спрятать? – бодро парировал Марков. – Выпьем-ка за первый чек.

– Наркотой торгуем? – тяжеломерно пошутил, подходя, какой-то незнакомый гость. – Площади-то все уже распахали? Был звонок, свою контору сюда переводите? Говорят, на самую верхотуру забрались?

– Подальше от народа, поближе к источникам, – в тон ему ответил другой молодой остряк. – А где *сам*? Обещал быть?

Марков деловито кивнул.

– Все будет, уважаемый: пиво, девочки, консервы. Ничего себе – всё людям.

Георгий снова оглядел заполненное гостями фойе, лестницу, витражи над главным входом и почувствовал еще свежее удовольствие: и в самом деле, отстроились неплохо. Самый крупный их проект обещал быть и самым рентабельным – аренду на последние свободные метры закрыли еще в июне.

В густеющей толпе его нашел распорядитель и попросил пройти в служебное помещение. Там, среди коробок с шампанским, стояла Марьяна Козырева, свояченица, сестра его погибшей несколько лет назад жены. Тут же вертел в руках пустой бокал пока не официальный ее жених, Антон Сирож – банковский сектор, младший отпрыск влиятельного семейства.

Марьяна сухо поздоровалась, протягивая руку.

– Папа не приедет, он неважно себя чувствует.

– Что-то серьезное?

– Нет, просто давление. Он сказал, чтобы ты извинился за него и сказал пару слов. Потом нужно будет разрезать ленту. Впрочем, что я тебе объясняю? Ты все это знаешь лучше нас.

Глядя в ее неприветливое лицо с резкими заостренными чертами, Георгий подумал, что они с Сирожем не слишком-то похожи на пару влюбленных.

– А почему ты сама не хочешь?

– Я не хочу категорически.

Сирож тем временем достал сигару и начал раскуривать ее, лениво и неспешно. Молодой еще человек тридцати с небольшим лет, он был уже сыт жизнью, как тяжелым обедом из нескольких блюд. Массивные золотые часы на его запястье и перстень вполне могли украсить тронный наряд какого-нибудь крито-микенского царька.

Георгий кивнул.

– Хорошо, что от меня требуется?

– Я все объясню, – пришла на помощь миловидная девушка-администратор, возникнув откуда-то из-за коробок. – Вы скажете приветственную речь, потом вам подаст ножницы одна из наших моделей, и вы разрежете ленточку...

Марьяна посмотрела сквозь девушку, подняв бровь.

– Да, персонал все разъяснит. А мы пойдем в зал. У меня невыносимо болит голова.

После короткой инструкции Георгий Максимович тоже вернулся в фойе. Обойдя плотную группу гостей возле лестницы, он поднялся на площадку, где стоял уже Фред Дорошевский, распорядитель праздника, управляющий event-агентства «Фэшн-Хаус», где Георгий числился главным акционером.

– Уважаемые гости и представители прессы! – начал церемонию Фред.

– Дорогие друзья, – подхватила его красивая помощница, приглашенная за немалый гонорар телезвезда, которую Георгий сразу окрестил про себя Джинджер.

– Мы собрались в этот торжественный день, чтобы отпраздновать открытие крупнейшего и на сегодняшний день самого современного в нашем городе бизнес-центра «Альмагест», строительство которого было завершено в рекордно короткие сроки, с использованием самых новейших технологий и материалов...

– Это событие – большой праздник для всех нас. Для всех, кто будет работать в этих просторных и комфортных помещениях, а также для ваших клиентов и заказчиков.

«Строили, строили и наконец построили», – подумал Георгий, скользя глазами по лицам гостей.

– Поэтому мы хотим предоставить слово человеку, который вправе гордиться этим проектом как своим творением...

Джинджер передала микрофон Георгию, и он сказал несколько слов о сложностях, которые были преодолены, и о блестящих перспективах; поблагодарил коллег и партнеров, пригласил их к дальнейшему сотрудничеству.

За ним слово взяли соинвесторы – представитель сети оздоровительных клубов и ресторанный магнат, приехавший на церемонию из Москвы.

– Кто режет? – шепнул Фред во время торжественного туша. – Марьяна?

– Нет, я, – отозвался Георгий.

Дорошевский подал досадливый знак кому-то, стоящему у Георгия за спиной; у края лестницы обозначилось суетливое движение. Чуть позже Георгий сообразил, в чем была заминка: ножницы на бархатной подушке, которые должна была подавать девочка-модель, вынес молодой человек.

Георгий Максимович успел подумать, что вряд ли кто-то заметит этот промах распорядителей, но тут его ослепил направленный луч юпитера. В ярком свете приближающееся лицо юноши так поразило его, что на секунду он забыл про церемонию, про обступивших его гостей. Душа споткнулась об это неожиданное препятствие, словно лошадь о высокий барьер.

Через секунду он увидел себя уже с ножницами в руках, услышал аплодисменты.

Грянул электронный Моцарт, плаксивый калека, оскопленный недрогнувшей рукой; распахнулись широкие двери в атриум, крытый стеклянным фонарем. Нарядная толпа потекла по лестнице вверх. Марков взял Георгия под локоть и повел в банкетный зал, где на блистающих белоснежными скатертями столах подтаивали ледяные медведи с блюдами красной икры в прозрачных лапах, атели вареные раки, сиял хрусталь и дрожало в бокалах шампанское.

Перед самым большим медведем стоял Казимир Чугунков, их третий друг и компаньон, и накладывал себе на тарелку блины.

– Этому лишь бы пожрать на халяву! – уязвил приятеля Марков. – Ты где был-то?

– Да там, в хвосте, опоздал малость. А вы как, держите оборону?

– Лучше всех, – подмигнул Марков, кивая в сторону манекенщиц в коротких шортах. – Как на полянку вышел. Тебе и клубничка, и земляничка. Здравствуй, русское поле.

Казимир покривился.

– Да ну, пигалицы малолетние, смотреть не на что.

Их обступили московские гости, любители иерархических рукопожатий.

– Георгий Максимычу привет... Ну ничего так, впечатляет, вполне. Как китайцев пустили, так сразу тема пошла, а? В большой семье не щелкай клювом.

– А в курсе, коллеги, как создать в России малый бизнес? Купить большой и немного подождать...

Москвичей раздвинула грузная дама из районной администрации.

– Георгий Максимович, Казимир Петрович! Хочу лично поблагодарить вас за вашу работу. Городу крайне важны такие объекты. Так что учтите, теперь будем с вами плотно сотрудничать, по вертикали и по горизонтали.

– Все им мало, – хмыкнул Марков ей в спину с веселой досадой. – Горизонталь еще... Ложиться, что ли, под эту корову?

В центре зала на возвышении снова появился припудренный Фред.

– Дорогие гости! Сегодня двери многофункционального бизнес-центра «Альмагест» распахнулись впервые и только для вас. Уже завтра здесь начнется повседневная работа. Откроются рестораны, фитнес-зал, офисы крупнейших уважаемых фирм. В том числе наше агентство «Фэшн-Хаус». Мы получили просторную современную студию на третьем этаже здания, несколько репетиционных, роскошный демонстрационный зал.

– Но сейчас нам бы хотелось, чтобы этот праздник принес в обыденную жизнь частицу волшебства, – подхватила Джинджер с профессиональным задором.

В этот момент погасли верхние светильники. Лица предпринимателей и чиновников осветились таинственным мерцанием трепещущих свечей.

– Пусть нашим гостем сегодня станет этот чудесный теплый летний вечер. И ночь, которая вскоре наступит! Пусть сквозь стеклянный потолок к нам заглянут звезды и затеплят сердца своим космическим светом!

– Объявляем наш праздник открытым, – Фред подал знак, и темное полотнище, которое закрывало высокий стеклянный купол, медленно соскользнуло (два дня назад Георгий поднимался на крышу и видел, как там раскладывали кусок брезента). По ту сторону стекла, в чернильном небе, рассыпался фейерверк.

Задумчиво выбирая раков покрупнее, Казимир пробормотал:

– Разве можно затеплить светом?

– Если свет теплый, то можно, – заявил Марков.

– По-моему, затеплить – это значит не сделать теплым, а разжечь. А разжечь можно только огнем.

Марков хмыкнул:

– Нашелся тоже, Прометей для бедных.

Бледный огонь свечки дрожал в стеклянном бокале. Георгий отдал свою тарелку официанту и пошел на поиски Марьяны, но наткнулся на загорелую журналистку с федерального канала, за которой следовал оператор с камерой.

– Господин Измайлов, можно несколько вопросов? Встаньте, пожалуйста, сюда. Дима, возьми нас вдвоем! Как вы оцениваете перспективы рынка коммерческого строительства в городе?

Георгий посмотрел в камеру.

– У Петербурга огромный потенциал как у общественно-делового центра, и сегодня наша компания успешно развивает именно это направление. Потребность в современных офисных площадях, интересных по дизайну и оснащенных новейшей инженерией, ощущается очень остро, несмотря на некоторое падение спроса, спровоцированное кризисом.

– У вашего проекта было много противников. А вы сами не считаете, что высотные здания все же портят исторический облик Северной столицы?

– Мы не можем позволить себе жить вчерашним днем. Нужно разрешать ситуацию, когда почти сорок процентов городской территории занимают депрессивные промышленные зоны. И такие девелоперские проекты, как наш, значимы не только сами по себе. Важно их благоприятное инвестиционное воздействие на прилегающую застройку. Хотя этот вопрос, скорее, не ко мне. Я занимался в основном финансовой стороной проекта.

– А какова была схема финансирования в наше непростое время? Компания инвестировала собственные средства или привлекался заемный капитал?

– При строительстве таких крупных объектов, как «Альмагест», как правило, используются различные источники финансирования, – бодро отвечал Георгий, подумав мельком: «Выучила словечки, деловая колбаса». – Это и банковские кредиты, и собственные средства, и деньги привлеченных инвесторов, в том числе иностранных. В данном проекте, к примеру, участвуют наши партнеры из Москвы, Германии и Нидерландов.

– А что значит слово «Альмагест»? Правда, что это название придумали лично вы?

– Это название придумали арабские математики. Так они называли «Великое математическое построение астрономии», или *Megiste syntaxis*, Птолемея.

– Вы увлекаетесь астрономией?

– Скажем так – звездное небо надо мной не перестает меня удивлять.

– Можно вашу визитку? – попросила она, сделав знак выключить камеру. – Меня зовут Анастасия, вот здесь мои телефоны.

Георгий взял ее карточку, но свою решил не давать, просто улыбнулся обещающе. Через минуту Марков позвонил ему на трубку и позвал:

– Поднимайся, мы на шестом этаже. Тут только свои, водка рекой, еще призы давать будут.

Марьяна прощалась с кем-то из гостей на верхних ступенях лестницы, она кивнула Георгию.

– Я уезжаю. Что-то передать папе?

– Сожалею, что он не смог быть. По-моему, все идет неплохо. Много прессы, телевизионщики приехали. А ты почему так рано?..

Она смотрела куда-то выше его головы.

– Ты прекрасно знаешь, я не светский человек. В отличие от тебя. Не люблю впуская тратить время. Лучше побуду сейчас с отцом.

– Сообщи, если что-то понадобится от меня.

– Вряд ли. Но я сообщу.

Младший Сирож не ушел с ней, а направился вместе с Георгием к лифтам.

– Я тоже на шестой. Угощайся.

Георгий отказался от предложенной сигары.

Тогда Сирож повернулся к зеркалу и застегнул, а затем снова расстегнул две пуговицы своего бархатного дизайнерского пиджака.

На шестом этаже их встретили распорядители, выдали розовые билетки для участия в лотерее и проводили в зал ресторана. Тут собралось человек тридцать «своих» гостей, расположившихся на диванах и за столами. Звенели вилки и ножи, звучал равномерный гул голов. В воздухе плавал сложный аромат, составленный из запахов еды, цветов и парафина, но с тем же специфическим привкусом строительной пыли. Прямо в проходе шел показ коллекции вызывающе сексуальных платьев от Максима Кальвинского (Max Calvin), которого нашел в провинции и продвинул Фред. Манекенщицы ходили между столами, стучаясь коленками, как молоденькие жирафы.

Казимир с Марковым сидели за угловым столиком и обсуждали девиц.

– Смотри, вон та, белобрысая, как тебе? Я бы ей внедрил свою технологию, – Марков разгладил пышные, по-кошачьи задиристые усы.

– Ребра как батарея, ноги как спички, – вздохнул Казимир. – Да все они тут: плюнь – переломится. Не найдешь, за что взяться. И наряды странные, как у супермена, – трусы поверх колготок.

– Большой любви колготки не помеха! – парировал Марков. – А я люблю худышек... Слаще мясо на костях. А ты как, Максимыч?

– Давайте закажем выпить, – предложил Георгий. – Что-то я устал.

– Обижаешь, – ухмыльнулся Марков. – Уже несут.

И в самом деле, официанты уже ставили на стол графины с водкой и коньяком, закуску. Под изувеченный моцартовский дивертисмент Фред вместе с телезвездой появились на небольшой эстраде.

– Дорогие гости! Те, кого мы рады видеть здесь, в избранном кругу...

– Хотим напомнить, что все вы стали участниками лотереи, призы для которой предоставлены спонсорами показа.

– Это авторские скульптуры литого серебра из коллекции Cosas del Amor, модные и прогрессивные аспекты современной жизни.

Публика за столами жидко поаплодировала.

– Ну как ты встретился-то, расскажи, – обратился к Георгию Казимир. – Чего там Вальтер?

– Как всегда полон оптимизма. Замутил этот проект с Ханты-Мансийском. Я до последнего не верил.

– А ты-то сам сделал что хотел?

– Плюс-минус... Есть кое-какие мысли. У вас тут как идет?

– Идет хорошо. Только мимо.

Марков вернулся от стола москвичей, улыбаясь загадочно, как чеширский кот.

– А московские в сауну собрались. Может, а?.. Махнем тоже, как взрослые? Организуем небольшой пихничок – трое в лодке, не стесняясь собаки?

– Я пас, – отозвался Казимир. – Домой и в люлю.

– Да устали, Саша, – поддержал Георгий. – Я утром с самолета... Поезжай с ними, если хочешь.

– Ладно, подавитесь. Отправлюсь тоже спать...

– Надо только призов дожидаться, – Казимир глянул в сторону распорядителей. – Вдруг дадут чего-нибудь?

Марков хмыкнул.

– Не надейся, Казинька, мы с тобой мимо кассы. Там все замастырено. Максимычу, может, и перепадет, а нам с тобой не по ранжиру.

– А вдруг хоть раз повезет?

– Лот номер тринадцать, оригинальная авторская работа! – объявила в микрофон Джинджер. – Господа, внимательнее проверяйте ваши лотерейные билеты, у кого счастливый номер? Тринадцатый! Откликнитесь, ау!..

– У тебя же тринадцатый, – вскинулся Казимир. – Здесь тринадцатый!..

Георгий опустил взгляд на розовый клочок картона.

– Нет, у меня был двадцать третий.

Чертовщина какая-то. Тройка, семерка, туз...

С серебряной фигуркой на подносе к ним направлялся тот самый манекенщик, что вынес ножницы в начале церемонии.

Прислушиваясь к себе со спокойным любопытством, на этот раз Георгий не почувствовал ничего необычного. Красивый, приятный, хорошо сложен. Но слишком уж юный – лет девятнадцать-двадцать, вчерашний школьник, не о чем говорить.

– Лошадь, что ли? – разглядывая скульптуру, предположил Казимир. – Пегас?

– Собака, – уверенно возразил Марков, – ты посмотри на морду.

– Это цилинь. Единорог. Одно из четырех священных животных, символ счастья и процветания, – пояснил юноша, и его голос прозвучал глуховато и нежно, как виолончель в нижней октаве.

«Вот что», – подумал Георгий, вдруг возвращаясь в ту минуту ослепления на лестнице. Он понял, что поразило его тогда – ощущение весны, цветения, чистой и ясной радости, которое рождалось в душе при взгляде на это лицо.

Любезный сердцу и очам, как веешний цвет, едва развитый...

– Ну что, коньячку, обмыть подарок? – Марков придвинул юноше стул. – Садись, садись, не съедем. Ты новенький? Что-то я раньше тебя не видел.

К удивлению Георгия, парень присел за стол, лишь мельком оглянувшись на дежурного распорядителя.

– Да, я стажер.

– Тогда давай знакомиться. Я – Александр Николаевич, можно просто дядя Саша Марков. Это – дядя Казя. И Георгий Максимович, можно просто дядя Гога. А нас как зовут?

– Игорь Воеводин, – он быстро посмотрел на Георгия.

Слегка вьющиеся волосы отливали платиной, а лицо было такое свежее, как будто он только что умылся родниковой водой с каким-нибудь «детским» мылом. Образ воплощенного здоровья для рекламы йогуртов, если бы не глаза, совсем русалочки, прозрачно-зеленые, с чуть припухшими веками. «Может быть, линзы, – подумал Георгий. – Нет, похоже, свои».

– До дна, Игорь Воеводин, до дна! – потребовал Марков, поднося мальчику рюмку. – Водка – сила, спорт – могила.

Георгий видел, что компаньон тоже не остался равнодушен к цветущей красоте стажера.

Уже за то, что он сел за стол к гостям, юношу могли оштрафовать или даже уволить, но то ли от неопытности, то ли из какого-то нахального расчета, он продолжал делать невозможные вещи – взял рюмку и выпил. Лицо его вспыхнуло. Сердобольный Казимир протянул ему бутерброд с икрой.

– Давай-ка, закусывай, развезет. Вас ведь, небось, не кормят? Вот скажи мне, только честно, у вас там все замастырено, да? Все призы?

– Да, – ответил мальчик простодушно. – Все заранее распределили, по рейтингу гостей.

– А что я тебе говорил! – Марков снова потянулся к графину. – Ну что, Игорек, – чай, кофе, потанцуем? Пиво, водка, полежим?.. Махнем после банкета в баньку? Ты давай девчонок собери, на твой вкус. Можешь какого-нибудь друга захватить для компании, ну ты в теме. А мы не обидим. Я хорошее место знаю, где всегда мне рады.

«А чего ты хотел, дорогуша», – усмехнулся мысленно Георгий, одновременно удивляясь силе ревнивого чувства, которое испытал в этот момент.

Юноша посмотрел на Маркова ясным не улыбочивым взглядом, вдруг довольно нагло заявил:

– А у вас ус отклеился, дядя Саша.

И тут же поднялся, чтобы исчезнуть за дверью в служебный коридор.

– Что это было? – фыркнул Марков ему вслед. – Чего хотел-то, а? Ты посмотри на них, Максимыч. Характер тут будет показывать нордический. Снегурочка нашлась!

Но их стол уже обступили какие-то люди с бокалами в руках.

– Дайте презентик посмотреть.

– Это у вас кто, конь? А у нас черепаха...

– Ну, будем здравы, бояре!.. И чтоб считать – не пересчитать.

– И чтоб калымить в Гондурасе, а не гондурасить на Колыме...

Георгий выпил, обменялся рукопожатиями с малознакомыми гостями и выбрался из-за стола, приняв довольно странное решение. Проходя мимо барной стойки, он поймал взгляд Сирожа, вспомнил Марьяну и мельком подумал – почему же этот жених ее не проводил?..

Затем, минуя администраторов, он открыл дверь в служебные помещения и направился по коридору в ту сторону, откуда доносились возмущенные звонкие голоса.

В небольшой комнате, приспособленной под гримерку, персонал устроил свой праздник. На бумажных тарелках таяли куски торта, в пластиковых стаканах кисло шампанское и окурки, на полу валялись обрывки цветных перьев и рваная упаковка от колготок. В воздухе плавал табачный угар и запах паленых волос.

При его появлении звонкий спор прервался. Девочки с начерненными веками, парни с голыми плечами оцепенели, словно челядь в замке Спящей царевны. Юноша, успевший уже снять дизайнерский наряд и переодеться в поношенные джинсы и тишотку, обернулся; его лицо горело румянцем. Георгий молча кивнул, тот сразу повесил на плечо сумку, которую держал в руках, и вышел следом за ним в коридор.

Они свернули на пожарную лестницу, спустились в цокольный этаж. Там, у служебных лифтов, Георгий проговорил:

– Меня зовут Георгий Максимович Измайлов. Я один из соучредителей вашего агентства.

– Я знаю, кто вы, – пробормотал тот, не поднимая глаз.

– Это даже любопытно. Зачем же ты тогда Александру Николаевичу нагрубил?

Тот стоял, как двоечник у доски, повесив руки вдоль тела, наклонив голову, демонстрируя изящнейший изгиб высокой шеи.

– Я не грубил. Просто пошутил. Я не знал, что нельзя садиться за стол с гостями.

Подъехал лифт, и Георгий вошел, приглашая его за собой.

– Ну допустим. А как получилось, что ты сначала вынес ножницы, а потом этот приз?

– Сказали, что резать ленточку будет женщина... и дали мне, потому что остальные ребята переодевались... А приз я сам попросил. Извините.

Лифт остановился, они вышли. Георгий поискал на стене выключатель и не нашел, осветил коридор зажигалкой.

– Поднимайся вверх. Осторожно, не споткнись... Теперь налево.

Они выбрались наружу, и блистающая прохладная ночь накрыла их звездным куполом. У мальчика вырвалось восклицание. Георгий спросил:

– Ну как?

– Зачётно, – кивнул он.

Темный брезент лежал, свернутый, у края крыши, а сквозь стеклянный витраж внизу видны были столы с закусками, еще не разъехавшиеся гости и снующие вокруг официанты. Можно было даже разглядеть лица.

Георгий Максимович подошел к перилам.

– Иди сюда. Ты куришь?

Он взял сигарету.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Ну вот и скажи мне как представитель нового поколения... Если здесь, наверху, открыть ночной клуб?..

– Только пьяные будут падать, – сказал он то ли в насмешку, то ли серьезно.

– Сделать стеклянный купол. Внизу, – Георгий ударил по кровле ногой, – дискотека. А здесь бар и чил-аут.

Юноша встал рядом, глядя на расцвеченную огнями живую карту города. Георгий не мог отвести глаз от его лица.

– Мне нравится. Похоже на елку в Новый год... Все сверкает.

– Поэтому рентабельно делать ночной клуб, а не просто ресторан. Днем нет такого впечатления...

Крупные августовские звезды пульсировали в вышине, синий воздух дрожал. Под влиянием какого-то почти поэтического вдохновения Георгий заговорил:

– Знаешь, трудно принять мысль, что в данную минуту мы видим Вселенную, какой она была тысячи лет назад. И что наша планета – лишь микроскопический осколок реторты, взорвавшейся в руках какого-то неосторожного алхимика... Древние астрономы считали, что небесные тела, двигаясь в космосе по своим орбитам, издают прекрасный звон. Они называли это музыкой сфер.

Мальчик слушал его, раскрыв глаза.

– Они полагали, что космической музыкой сопровождается все происходящее на земле – смена времен года, цветение и созревание плодов, рождение и смерть. Что эти звуки постоянно воздействуют на нас, хотя мы не можем их слышать... Что числовая гармония пронизывает мировое пространство и человеческую душу... Вокруг этой идеи и надо разрабатывать рекламную философию. Звезды, «Альмагест», число как мера вещей.

– Можно еще приглашать разных звезд, музыкантов там, – сказал мальчик неуверенно.

– Все возможно, – Георгий кашлянул, избавляясь от окурка. – Стоит только задаться целью... Так что мы будем делать дальше, Игорь?

– Не знаю, – почти беззвучно ответил тот после паузы.

– Водки мы уже выпили, в баню ты отказался... Какие еще варианты? Поедешь со мной?

Он отвернулся к перилам, и Георгий подумал, что напрасно затеял это. Бог знает, какая каша у них в голове в этом возрасте, и не вертится ли там очередная шутка про отклеившийся ус.

В кармане Георгия ожил телефон.

– ...где? Ребята потеряли... мы сворачиваемся... где ты? – сквозь хрип и свистящий гул звал его Марков, как Аэлита возлюбленного: «Где ты, где ты, сын неба?»

– Скажи, пусть Вадик встречает у входа. Я спускаюсь.

– Откуда?... ждать тебя?... где ты, к лешему... не слышно ни рожна...

– Не надо, не ждите. Отдай охране мой презент.

Мальчик молчал, зябко потирая плечи. Георгий тоже ощутил упавший холод ночи, уже осенний.

– Ладно, забудь, – сказал он, направляясь к выходу. – Пошли, выведу тебя обратно.

– А вы хотите, чтобы я поехал? – пробормотал Игорь и поддел носком рулон брезента.

– Если ты сам этого хочешь.

Продолжая пинать брезент, он кивнул:

– Ну да. То есть вроде того... То есть без проблем.

В фойе Георгий Максимович взял у охранников коробку и передал мальчишке.

– Сам дарил, теперь неси. Тебе кого-нибудь нужно предупредить? С кем ты живешь? С родителями?

– Нет, с теткой. Но ее не нужно. Я всегда делаю то, что хочу, – заявил он и взглянул на Георгия с вызовом.

Водитель Вадик открыл перед ним заднюю дверь машины, и тот зарделся как маков цвет, но покорно полез в салон.

Когда они вошли в квартиру, Георгий Максимович подбодрил:

– Всё, пути к отступлению отрезаны. Проходи. Разувайся, если хочешь, пол теплый.

Тот снял кроссовки и нерешительно вошел в гостиную, оглядываясь.

– Вы один здесь живете?

– Абсолютно, – кивнул Георгий, показывая ему, куда можно сесть. – Никто не придет на помощь, не надейся. Что тебе предложить? Есть цыпленок и пирог с грибами. Можно разогреть пищу.

– Я не голодный.

– Ну тогда я сделаю свой фирменный коктейль, – Георгий снял пиджак и подвернул рукава сорочки. – Так я похож на бармена.

– Нет, – сказал он без улыбки. – Вы похожи на генерального директора.

– Ты на правильном пути, умеешь подольститься к начальству. Кстати, почему ты живешь с теткой, где твои родители?

Игорь откинулся на диване и закурил, снова принимая нагловатый, вызывающий тон, как с Марковым:

– А они уехали за границу. На длительный срок. Вот я и решил попробовать свои силы в модельном бизнесе. Надо же чем-то заниматься... А кто вам готовит пироги с грибами?

– У меня есть приходящая домработница.

Георгий поставил перед ним коктейль. Сел напротив.

Это приключение, немного странное, так бодрило, что Георгий Максимович уже не чувствовал усталости. Кожа у юноши была замечательно свежая, как у только снятого с ветки яблока, тронутая бледным питерским солнцем. Губы, подбородок, нос – нежных правильных очертаний. И совсем мальчишеские руки с длинными пальцами и широкими запястьями, с неровно обрезанными ногтями.

– Только домработница? А где ваша жена?

Георгий поднял бровь.

– Обязательно должна быть жена?

– У вас – да.

– Моя жена несколько лет назад умерла, разбилась на машине. У меня есть взрослый сын, старше тебя. Он учится в Англии, приедет в октябре. Мне сорок четыре года. Рост сто восемьдесят пять, вес – девяносто два. Что еще тебя интересует?

– Откуда вы все знаете?

– Что?

– Ну про звезды... Про древних астрономов...

– Любопытно, согласись. Меня в свое время поразили эти вещи. По сути дела, они не противоречат современным представлениям об устройстве космоса. Единый ритм, некая соразмерность организует все процессы, происходящие во Вселенной...

Мальчик залпом проглотил содержимое стакана.

– Вкусно? – спросил Георгий, продолжая не без удовольствия рассматривать его.

– Да. А вы со всеми такой странный?..

– Странный?..

– Ну коктейли готовите, про космос разговариваете... Мы же тут не для разговоров сидим.

– А для чего мы тут сидим?

Георгий выдержал паузу и протянул руку к его лицу; осторожно погладил по щеке, по мягким, податливым губам.

– Или тебя нужно с порога в постель тащить, как уличную завалуху? Ты к этому привык? Тот хмыкнул, и русалочьи глаза сделались пустыми и сонными.

– Нет, не привык.

– А к чему? Что с тобой нужно делать?

Несколько секунд он смотрел на Георгия затуманенным взглядом, затем громко сглотнул.

От его кожи и волос исходил опьяняющий яблочный запах, а слюна была сладкой и вязкой, как сироп.

– Какой ты милый, – сказал Георгий.

– Вы тоже ничего, – ответил он с коротким смешком.

– Храбрости не убавилось? Или хочешь еще выпить?

– Охуеть, какой вы вежливый, – пробормотал он, и снова засмеялся бессмысленным нервным смехом.

В спальне он сразу начал раздеваться. Георгий невольно отстранился, любуясь его стройным телом, исполненным юношеской грации. Но затем обнял его, прижал к себе, и в какой-то момент ощутил панику: мальчишка проникал в его кровь, как яд.

Уже под утро, глядя в ванной комнате на свое размякшее, влажное от пота лицо, Георгий Максимович подумал, что финансовую авантюру, которую они с Вальтером обсуждали почти в шутку, вполне можно осуществить, если действовать быстро, грамотно и решительно. Создать закрытый ПИФ, оформить залог под активы. Пятнадцать процентов за отстирку в офшор... Он даже начертил на влажном кафеле порядок необходимых шагов – стратегический план, такой ясный и четкий, что о нем нельзя было думать без улыбки удовольствия.

Мальчик курил у открытой балконной двери, обернув бедра простыней. На фоне перспективы сумрачных фасадов, воды и предрассветного розовеющего неба он казался сделанным из хрупкого синеватого стекла.

Георгий повернул его к себе лицом.

– Ну как ты?

– Хорошо. Я сразу не понял, что вы живете прямо у Петропавловки.

– Ты красивый юноша, Игорь, – проговорил Георгий, прислушиваясь к ощущениям внутри себя. – И очень приятный в сексе. Спасибо за этот подарок. Я уверен, ты сделаешь хорошую карьеру в своем агентстве.

– Вы думаете, я с вами поехал из-за карьеры? – спокойно спросил тот, высвобождаясь.

– Ну конечно нет, – ответил Георгий благодушно. – Я просто тебе очень понравился, и ты решил воспользоваться моей минутной слабостью.

Он оперся о раму балкона, глядя на широкий разлив реки.

– Можете смеяться... Вы меня даже не запомнили, когда приходили в студию... Кстати, я вам соврал, что мне восемнадцать. На самом деле только будет через три месяца.

– Вот как? – пробормотал Георгий, сразу настораживаясь.

– Я просто понял, что вам будет стрёмно, что я несовершеннолетний. Хотя это обоюдное согласие и все такое, и вы у меня не первый... Но зато родителей у меня нет никаких – мать умерла три года назад, от рака, а отца я не знаю. Я случайный ребенок. Так что проблем у вас со мной не будет. Мне ничего не надо от вас.

Он вдруг раскинул руки, словно собираясь перемахнуть через балконную решетку.

– А вы знаете, почему люди не летают, как птицы? Потому что отрастили себе большие ягодицы.

«По-моему, проблемы уже начинаются», – подумал Георгий, но заставил себя усмехнуться:

– К слову сказать, у тебя с ягодицами все в порядке. Ни добавить, ни убрать.

В воскресенье Георгий Максимович планировал заехать к матери, а потом в спортзал, но вместо этого повез парнишку за город, на дачу – жарить шашлык, играть в теннис на площадке за домом, на мягком ковре из сосновой хвои, пить у камина вино. Один из последних уик-эндов уходящего лета прошел в такой приятной релаксации, что Георгий почти не ощутил досады, когда в понедельник ему позвонил Фред Дорошевский и вкрадчиво полюбопытствовал, доволен ли шеф работой обслуживающего персонала.

На всякий случай служба безопасности «пробила» по своим каналам Игоря Николаевича Воеводина. После смерти матери опеку над ним взяла тетка, с ними жил и ее гражданский муж. Только в этом году мальчик окончил школу и сразу устроился работать в сетевую закусочную, руководство которой не брезговало эксплуатацией детского труда. В агентство он попал без протекции, пришел на конкурс за компанию с приятелем-официантом, которого, как требовал сюжет, не взяли даже на платные курсы. Проявить себя ни с плохой, ни с хорошей стороны в агентстве не успел, а возможно, не особенно старался – он принадлежал к тем замкнутым характерам, ключ к которым подберешь не сразу.

В середине той же недели Георгий случайно увидел его в коридоре бизнес-центра и почувствовал беспричинное волнение – давно не испытываемое и оттого бодрящее. Они снова провели вместе ночь, и Георгий с удивлением осознал, что почти влюблен.

Ему нравилось все, что происходило между ними, нравилась вдумчивая серьезность Игоря, которая уживалась с иронией и юношеской наивностью в отношении многих вещей. Нравилось и то, что мальчик ничего не просил и поначалу даже порывался платить за себя в ресторане. Едва ли не впервые Георгий ощущал себя в ситуации, о которой только слышал и читал: когда юность другого представляется освежающим источником, чьи воды способны ненадолго повернуть время вспять.

Приближалась осень, но Георгий Максимович переживал такой душевный подъем, что даже холодеющий воздух казался ему по-весеннему вкусным. Вместе с бывшим тестем он активно занялся разработкой сразу двух проектов: один был связан со строительством сети отелей эконом-класса, второй – с подготовкой части территорий обанкротившегося завода под возведение нового высотного бизнесцентра. Одновременно предпринимались шаги и по реализации той схемы, которую он начертил ночью на влажном кафеле в ванной.

Единорог, символ счастья и процветания, стоял на комод в спальне. Игорь иногда разговаривал с ним и гладил по морде и по спине.

Глава вторая. Игорь

*– Ах, неужели мы для вас
Не больше, чем еда,
Хотя вы были так добры,
Нас пригласив сюда!
А Морж ответил: «Как блеснит
Вечерняя звезда!»*

Льюис Кэрролл

Пришел сентябрь, дни становились короче и холоднее, зарядили дожди, но Игорь почти не замечал этих печальных перемен. Он отдался круговороту новой, необыкновенной жизни и чувствовал себя так, словно летел в вагончике на американских горках: только ух – вниз, вау – вверх, и сладко, страшно – ёк под дых.

Подобно царственному богу, каприз которого вознес на небо юношу-пастуха, Георгий Максимович подхватил и втолкнул Игоря в свою реальность, населенную почтительной челядью, мраморными торсами героев, морскими чудовищами, поколениями виноделов и ученых, умерших столетия назад вместе со своим языком, тайну которого знали только избранные. В реальность, наполненную отзвуками джаза, забавными стихами, ароматами коньяка, запахом дорогого одеколона, междометиями страсти.

Загадочным шифром звучал и язык его всегда коротких телефонных разговоров, где в человеческую речь были словно вставлены компьютерные коды: апруф, фидбэк, ассемпшен, маржа.

По утрам от избытка впечатлений, от слабости у Игоря кружилась голова, он не попадал ногами в кроссовки, пуговицами в петли, а Георгий Максимович уже кому-то звонил, складывал в портфель бумаги, пил на ходу кофе, застегивал запонки и бодро покрикивал: «Живей, живей, малыш, я опаздываю».

Георгий Максимович знал и умел все, был повсюду и никогда не уставал. Он был грозен и строг, но и терпелив, и нежен. Ночью полновзвучный голос делался густым и мягким, словно шерсть на его груди; ладони касались ласково, но властно, заявляя свои права.

Широкоплечий, плотный, с мускулистыми руками и бедрами, он и в минуты близости представлялся Игорю могучим и всесильным божеством. Удовлетворенный, бог быстро засыпал, всхрапывая, если на спине, и тогда Игорь мог разглядывать и осторожно трогать его, спящего, ощущая себя хранителем их общей запретной тайны.

Эпоха великих открытий окончилась с отъездом Георгия в Европу для каких-то важных переговоров, но Игорь продолжал лететь по закону инерции – лежал ночами без сна, вспоминая его лицо, голос и откровенные прикосновения. Горячий, настойчивый, его взрослый любовник приходил под утро, заставлял в неловкой позе и вдруг исчезал. День тянулся, а Игорь все чаще проверял трубку, ожидая сообщения или звонка: почти перед самым отъездом было решено, что он присоединится к Георгию через неделю, для этого нужно было оформить паспорт и визу.

Наконец колокола зазвенели: «Все готово, заяц, вылетишь завтра вечером. Я соскучился. Хочешь ко мне сюда?» – «Да, да, да!»

Были еще какие-то слова, но их Игорь припоминал уже потом: «Водителя зовут Леша, ты его видел, полетишь с сопровождающими». И еще: «Возьми пару футболок и шорты, остальное купим. Здесь жара и молодое вино, я даже бриться перестал». И еще: «Если спросят, ты – сын моих друзей, партнеров по бизнесу, едешь отдыхать на море. Не спросят – ничего не говори. Жду тебя».

Леша приехал за Игорем на спортивном джипе, передал билеты, паспорт, деньги на расходы в аэропорту.

– На прямой рейс билетов уже не было, полетите через Франкфурт. Там пересадка на Барселону, а оттуда местным рейсом в Аликанте. Ты, главное, от людей не отставай, они всё знают. Если потеряешься, сразу им звони.

Супружеская пара, которой водитель перепоручил Игоря в аэропорту, сразу взялась суетливо его опекать. В самолете Галина протолкнула его к окну.

– Будешь смотреть, тебе интересно в первый раз, а мы-то уж столько полетали. У нас старшая дочка в Германии замужем, а младшая здесь, тоже служит у Козыревых. В Озерном, экономкой.

– Я же с Козыревым еще когда начинал, – важно пояснил Анатолий Алексеевич. – Он был главным инженером, а я у него шофером.

Глядя в иллюминатор на ватные, хлопчатые облака, Игорь стал рифмовать про себя: Барселона – у склона, в Аликанте – адъютанты, Франкфурт... не получался.

– Он уже тогда крепко стоял, но к людям – с уважением, мы с самого начала с ним за руку, – продолжал Анатолий. – И сейчас всегда расспросит, как внуки, как сам... Хотя и веский человек по городу.

– В Озерном ты не был? Шикарный дом, семь лет как заново отстроили, – сообщила его жена. – И участок полтора гектара. А в Испании весь особняк на нас двоих. И все лето наезжают – то *сам* с гостями, то семейство. И Георгий Максимович бывает со своими людьми, по делам. Зимой, конечно, скучновато, но на праздники всегда кто-то есть...

– Надо будет сразу рыб проверить и лягушек, не подох ли кто. И кошка как бы не добралась до них, я все волнуюсь. Лягушки китайские, дорогие.

Игорь слушал рассеянно, но когда люди и события, о которых рассказывали его спутники, оказались как-то связаны с Георгием Максимовичем, он ощутил волнение.

– Максимку раньше на все лето привозили, так мы с ним на рыбалку каждый день. Считай, у нас на руках вырос.

– Сейчас-то он редко стал бывать. В Англии учится.

Игорь догадался.

– Максим – это сын Георгия Максимовича?

– Ну да. Ты его знаешь? Вы же с ним должны быть ровесники.

– Да нет, Максим постарше, ему уже двадцать два или двадцать три, – заспорил Галина. – Он чем старше, тем больше в папу. Копия просто.

– Характер-то козыревский, – возразил Анатолий.

– А у нас сынок – повар шестого разряда на интуристовских судах, – тут же сообщила женщина.

У нее, как и у мужа, было много золотых зубов. Сухая загорелая кожа складывалась мелкими морщинками вокруг глаз. Анатолий кивнул:

– Года три назад у Козырева юбилей был, шестьдесят пять лет, а Вовка как раз в отпуске. Вот шеф меня просит: «Анатолий Лексеич, пускай твой Вовка меня уважит, приготовит для гостей». Я тогда ему говорю: «Сын, не осрамись. Такое мероприятие, ответственность, надо показаться».

– Он им какие-то свои рецепты делал, улитки ездил покупать во французском магазине. Все восторгались.

– Да, праздник был знаменитый. Душ сто гостей, и всё такие птицы, самого высокого полета. Всю ночь гуляли, салют и прочее.

Галина покачала головой.

– Уборки потом за этими гостями! Мы с дочкой два дня не разгибались, паркет оттирали в холле и в столовой. Там залы большие, а Валя одна мучается с этими полами. Помнишь, еще Максим моду взял на роликах по дому ездить?

– Дед балует его, понятно. Один внучок, наследник всего богатства. Да и Георгий Максимович ничего не жалеет. Машину ему подарили дорогущую.

– Ну а что им, если возможности есть? Марьяна специально летает в Милан за вещами, а там не какая-нибудь дешевка, счет на тысячи евро.

Это была как задача на смекалку: если Павел Сергеевич приходится дедом Максиму...

– А Марьяна... это жена Георгия Максимовича? – проговорил Игорь, пытаясь скрыть волнение.

Они переглянулись.

– Нет, это Козырева младшая дочка. А жена его была старшая, Вероника. Она на машине разбилась. Когда это, лет пять уже?

– Да нет, уже лет восемь.

Галина наклонилась к Игорю.

– Она попивать стала, как они разошлись. И за рулем пила. У нее права два раза отбирали.

– Да, Сергеич тогда в один год сначала жену похоронил – ну, та болела, у нее лимфому обнаружили. И дочку следом. Так и не женились оба до сих пор.

На левом веке у Анатолия была небольшая опухоль, бородавка или жировик, и глаз как будто подмигивал всякий раз, когда он улыбался. Игорь в какой-то момент начал испытывать необъяснимую неприязнь к нему и к его жене, словно они отдаляли, отчуждали Георгия Максимовича, наделяли его судьбой, полной семейных забот и посторонних интересов, присваивали ему именно это прошлое.

Во Франкфурте они пошли делать покупки, а Игорь остался в зале ожидания. Пока он пил кофе в маленьком баре, пытаясь унять тревожное возбуждение, к нему подсел сначала нетрезвый немец с портфелем, потом молодой бритый парень в кожаной куртке, араб. Игорь ушел из бара и спустился в торговую зону, отправился бродить, размышляя о том, что услышал, – об этой чужой семье, о взрослом Максиме, с которым их сближала ранняя утрата, о том, что сам он для Георгия Максимовича, наверное, только осколок среди других цветных стеклышек в зеркалах калейдоскопа.

Пестрая человеческая толпа двигалась мимо. Магазины, закусочные и рекламные щиты на стенах сверкали огнями.

У трапа Игорь помедлил. Ночной воздух Германии был теплым и сухим. Вдыхая его, глядя в звездное небо, Игорь подумал, что дальше, в Австрии, во Франции и в Италии – в странах, над которыми они полетят, двигаясь в сторону Георгия Максимовича, ночь будет становиться все нежнее, словно это *он* был генератором тепла, живым устройством, согревающим мир.

Армия запахов и звуков, жаркая реальность нарядного приморского города атаковали их в Аликанте, заставляя стряхнуть усталость после долгого перелета. Встречал их второй водитель Георгия Максимовича, молодой красивый Вадик. Галина просила подождать их с багажом, но Вадик резко отказал:

– Еще я буду вашим барахлом подвеску мучить у дорогой тачки. У меня инструкция на одного пассажира. Такси возьмете.

Не скрывая самодовольства, Вадик сел за руль черного «кадиллака» с широкими сиденьями – такие машины Игорь видел только в фильмах про гангстеров, – придержал дверь для Игоря, с шиком развернулся на выезде с парковки. Они помчались по живописной дороге, мимо тающих в жаркой синеве чистеньких домиков, окруженных пальмами и зарослями цветущего кустарника, вдоль побережья, куда-то все дальше и выше.

– Во, видал, это одного бандита норильского видал. Он типа в розыске, тут отсиживается. По металлу тему держал, – пояснял Вадик, показывая куда-то вверх. – А вон, на горке, – хозяин пивзавода. У него десять акров мандаринов. Вообще наших много, и москвичей, и питерских. Как там Питер? Всё уже – тю-тю лето?

– Да, уже холодно, – кивнул Игорь, стараясь держаться с ним так, как советовал Георгий – вежливо и сдержанно, соблюдая дистанцию, хотя не мог не думать о том, что Вадик все знает про него еще с той ночи, когда вез их из «Альмагеста».

– А тут как в бане было, хоть бы облачко. Ну вот и мы – номер семь по Санта-Круз.

За каменным забором в обрамлении пальм виднелся белый двухэтажный дом с деревянными балконами. Вадик посигналил у ворот, въехал во двор.

Игорь ступил на горячие ступени крыльца и застыл от счастливого восторга: отсюда открывался вид на море, голубое до рези в глазах, и дрожащая гладь бассейна повторяла этот острый голубой с точностью глянцевого открытки.

– Да пошли, еще насмотришься на эту лужу, – позвал Вадик. – Шеф тебя ждет. Сказал – прямо к нему.

В доме пахло свежесваренным кофе. Смуглая девушка с угольно-черными волосами, выбивавшимися из-под платочка, вынесла на подносе завтрак. Вадик, улыбаясь, преградил ей дорогу.

– Комо босс? Проснулся? Но дормир? – и повернулся к Игорю: – А хочешь, сам ему кофе отнеси? Крикнешь, если что-то надо. Да иди, не бойся, говорю, он ждет.

Георгий Максимович полулежал в постели, опираясь на подушки; небольшая постриженная бородка придавала ему сходство с разнеженным султаном из восточной сказки. Словно прочитав мысли Игоря, он обернул голову краем простыни и подмигнул:

– Входи к своему господину, любимая наложница. Оставь эти яства, мы отдадим им дань позже.

Игорь поставил поднос на стул и тут же оказался в кровати.

– Ну, как ты добрался, малыш? Не устал? – целуя, раздевая, Георгий Максимович гладил и жадно осматривал его шею, плечи, живот, словно проверяя, всё ли цело.

– Нет, – ответил Игорь. – Только меня во Франкфурте все время клеили... какие-то арабы. В аэропорту.

– Вот мерзавцы! Обижали моего зайца...

– Никто меня не обижал, – возразил Игорь, помогая снимать с себя одежду. – Просто приняли не за того.

Георгий Максимович кивнул удовлетворенно.

– Ну еще бы, посмели бы они.

Его лицо с размягченными, отекавшими со сна чертами приобретало то властное выражение, которое так завораживало Игоря. Воздух в комнате струился от жары. Жар разгорался в них обоих, как в деталях работающего механизма. Все, что делал Георгий Максимович, было немного стыдно, но обжигающе приятно, и Игорь хотел, чтобы это длилось как можно дольше, но почему-то он помнил и о том, что дверь в коридор не заперта, и может войти горничная, и нужно сдерживаться, чтобы не вскрикивать слишком громко. Он успешно справлялся с этой проблемой, кусая ладонь и подушку, пока не начал задыхаться от счастья, переполнявшего его изнутри.

Потом подъехала машина, где-то в доме захлопали двери, стало слышно, как под окном работают поливальные устройства. Как сквозь дрему, Игорь вспомнил, что он в Испании, что вокруг море, пальмы, синее небо – волшебная сказка, в которой он оказался по какому-то недосмотру высших сил.

Георгий Максимович поцеловал его в затылок и с хрустом потянулся, взял с подноса стакан с апельсиновым соком и, дав Игорю сделать несколько глотков, залпом допил остальное.

– Позавтракать я уже не успею... Ладно, нельзя иметь всё сразу – и море, и по колено. Устроим разгрузочный день.

Он встал под душ, не закрывая двери в ванную, позвал:

– Иди-ка, прослушаешь инструкцию.

Игорь отодвинул стеклянную шторку.

– Нет уж, не ко мне! Так я точно никуда не попаду, а мне нужно ехать. Вот что – я дам тебе Вадика, он покажет город. Пообедайте, тут много ресторанчиков вокруг, сходите на пляж.

Он быстро говорил, быстро намыливал свое могучее тело – подмышки, живот и половые органы.

– Вечером, видимо, ожидаются гости. Устроим вечеринку. Буэно? Устрицы и вино.

Игорь улегся обратно на кровать и, чтобы скрыть огорчение, закурил. Дома он нафантазировал, что они будут в Испании только вдвоем, вместе будут купаться и загорать, вместе гулять по морскому берегу и станут так близки, что больше никогда не смогут разлучиться.

Застегивая сорочку, поглядывая на него в зеркало, Георгий Максимович спросил:

– Что такое?

Игорь отрицательно мотнул головой: «ничего», хотя страшно хотелось ухватить его за галстук, дернуть за причесанные, надушенные волосы: «Не уходи! Не бросай меня здесь с этими чужими людьми, которые всё про нас знают!» Но когда тот подошел и щелкнул по носу, Игорь смог только робко пробормотать:

– Возвращайся поскорее.

Сквозь жалюзи на открытых окнах слышно было, как завелась и отъехала машина, как Галина и Анатолий Алексеевич начали о чем-то спорить во дворе. Игорь тоже принял душ, выпил остывший кофе и осмотрелся в комнате, где почти не было мебели – только кровать и встроенный шкаф да несколько репродукций на стенах.

Чемодан, из которого Георгий Максимович доставал галстук и белье, стоял распахнутым на стуле. Игорь поддался любопытству и заглянул внутрь. Рассмотрел кожаный несесер с серебряными щетками для волос, стопку тонких полотняных рубашек с инициалами на карманах. В потайном отделении, которое он обнаружил случайно, зацепив клетчатую подкладку, лежали презервативы, пакетик белого порошка и папка с документами, подписанная красным фломастером: «Альмагест».

В шкафу висел один только светлый льняной костюм. Внизу, в большом выдвижном ящике, обнаружились теннисные ракетки, несколько пыльных кляссеров с марками и коробки с поблекшими мумифицированными мотыльками. Аккуратно напечатанные ярлычки сообщали: *Максим Измайлов-Козырев, коллекция №...*

С самого дна ящика Игорь достал пачку фотографий и с волнением рассмотрел высокочерное лицо молодого человека с тонкими правильными чертами, с густыми и темными, как у Георгия Максимовича, волосами. Глаза у него были такие же серые, только совсем холодные, без насмешливых искр в глубине.

Игорь почувствовал укол ревности, заочной нелюбви к этому надменному убийце бабочек, и убрал фотографии.

В майке и шортах Вадик стал похож на Кена, друга куклы Барби. Его мускулистые руки и икры, покрытые пшеничной растительностью, привлекали взгляды официанток – те весело переговаривались и строили ему глазки, а он хмурился, вчитываясь в меню. Затем признался:

– Меня папа на курсы испанского направлял. Я вроде учил, учил, а в голове только кура, потому что «галина». А то, знаешь, бывает, люди только овощи едят. Или только рыбу, а куры не едят вообще.

Все же ему удалось объясниться со смешливой официанткой, блеснув главным своим козырем: «*Dos platos de carne frita, por favor*». Уплетая жаркое, он дружелюбно спросил Игоря:

– Ты сам-то откуда? Питерский? А я пять лет как переехал. Знаешь такой веселый городишко Качканар? Ну, считай, повезло.

Он подмигнул официантке.

– Бабы местные в сексе ни с чем не сравнимые, отвечаю на личном опыте. Мы здесь регулярно расслабляемся. Я вообще с папой поездил – и в Штаты, и по Европе, он меня часто с собой берет. Ко мне особое доверие. Только не надо тут улыбаться, я не в вашей теме, даже не мечтай. Просто шеф ценит людей, на которых можно всецело положиться.

Пыльная дорога к морю петляла между стен и заборов из белого песчаника.

Как только они вышли из ресторана, замолчавший было Вадик снова начал болтать.

– Папа много ездит, потому что у него по всей Европе связи. Типа клуб по интересам и по бизнесу заодно – ну ты понял. Они когда встречаются, на них смотреть – одна умора. Щиплют друг друга, целуются. Так и не скажешь, что миллионными ворочают. Только между нами, ясно?.. А папа у них ценное звено. Во-первых, языки все знает – в испанском шарит, в итальянском. По-французски вообще в совершенстве. А во-вторых, он такой человек, что ему можно большие бабки доверить. Он для них офшоры держит, ну и всякое такое, лазейки находит. В общем, по финансовым потокам. Если подумать, пашет-то он как лошадь. Тёрки, наезды, конфликты. И все на нем замкнуто. Мне что еще нравится, что он в общении простой. Пальцы не гнет, как всякая ботвинья, разные там типа крутыши. Бывает, конечно, обложит по матушке или наорет. Тоже на своей планке, понятно. Но в принципе всегда по делу.

Игорь, начавший уже уставать от жары, от смены впечатлений, хотел спросить, долго ли еще идти. Но море вдруг открылось за поворотом, словно раскинутое по песку синее покрытие.

– Пляж тут конкретный, – заверил Вадик, – песочек золотой... И глубина хорошая. Ты плавать-то умеешь?

Они спустились на пляж.

Игорь сразу разделся, вошел в воду и с наслаждением поплыл. Метрах в двадцати от берега нырнул, открыл под водой глаза. В зеленоватом сумраке мерцало дно, маленькие рыбы как черные пули разлетелись в стороны. Оттолкнувшись от дна, он перевернулся в воде, глотнул воздуха и снова нырнул.

– Эй, ты так больше не шути! У меня аж дыхалка сбилась, – выходя из воды, пожаловался Вадик. – Поплыл и поплыл, а потом раз – и нету его. Я уж думал, ногу свело или там что... Меня бы папа за яйца повесил!

– Да не волнуйся, я плаваньем занимался.

– Так предупреждать надо!

Игорь ударил по воде и обдал его веером брызг.

– Ну ты же не обязан меня охранять...

– А чем я тут, по-твоему, занимаюсь?

Игорь облил его снова, и Вадик погнался за ним по воде, споткнулся, вскочил, отплевываясь соленым песком, и сам засмеялся над своей неуклюжестью. Игорь хохотал вместе с ним, снова чувствуя счастье, которым наполнял его запах моря, тонкий росчерк кипарисов на высокой скале, ожидание новой близости с Георгием.

– Какое очарование, – проговорил, подсаживаясь на соседний топчан, оплывший жиром пожилой мужчина с бескровным ртом и с узкими глазами. – Какая красивая пара! Вы откуда, мальчики, из какого отеля? У меня есть особое предложение для вас. Все безопасно и оплата вперед.

Игорь почувствовал, что краснеет от стыда и отвращения, и сразу хотел уйти, но Вадик разглядывал незнакомца внимательно и спокойно.

– А ты бы двигал отсюда, дедуля, пока самого не того, – процедил он наконец сквозь зубы. Старик усмехнулся.

– Разве же так повезет, цветочек?

– Кто-о тут цветочек? – Вадик угрожающе шагнул вперед.

Старик ничуть не испугался.

– Юный Геркулес, Бельведерский торс! Браво, браво, как мы умеем играть мышцами! Без шуток, детки, хороший гешефт. Не поверю, что таким молодым и красивым не нужны денежки. А делать ничего почти не надо. Только вы вместе, ваши шалости наедине... И как насчет качественного видео?

Вадик сжал кулаки.

– Ты меня не понял, старый хрен? А ну вали, пока не дали в бубен.

Старик поднялся и отступил на шаг, продолжая улыбаться.

– *Dios mio!* Какой темперамент...

И наконец отошел от них, крикнув напоследок:

– Подумайте, мои хризантемы. Завтра буду ждать на этом же месте!

Вадик сплюнул на песок.

– Вот холера! Это он на тебя повелся.

– Да нет, ты, кажется, ему больше понравился, – возразил Игорь, про себя зная, что Вадик прав, что это к нему, Игорю, липнут такие люди, чутьем падальщиков распознавая в нем испорченность.

Вадик передернул плечами и засмеялся.

– Да уж больно старый. Был бы лет на дцать помоложе...

– И что тогда?

– Тогда бы я ему без базаров в башню закатал за такие предложения. Пидор бельведерский! Ладно. Окунемся и надо уже возвращаться. Лучше заранее придем, а то папа ждать не любит.

Тогда, глядя ему в лицо, Игорь решился задать вопрос, который давно уже приготовил:

– А у *него* много было... ну, таких, как я?

– Были, – пожал плечами Вадик. – Правда, постарше в основном, лет двадцать пять. И сюда никто не приезжал. – И тут же спохватился: – Вообще-то, папины личные дела – это закрытая информация. Я в это не лезу и тебе не советую – здоровее будешь.

Солнце уже опускалось к линии горизонта. Игорь обгорел, его пошатывало от усталости, и путь в горку до особняка дался ему с трудом. Вадик нажал кнопку, ворота разъехались, и в первую секунду Игорь подумал, что они ошиблись адресом – по двору группами рассредоточились охранники в темных очках и в белых, с пятнами пота рубахах, у забора протянулось серебристое рыбье тело лимузина, тут же сверкали антрацитовым блеском бока двух черных «мерседесов». Случайным пятном в черно-белых декорациях гангстерского боевика казалась группа немолодых мужчин, расположившихся на террасе дома. На некоторых были цветастые майки, нелепые панамы и бейсболки, кто-то уже разделся до трусов. Они оживленно беседовали, размахивая руками, перебивая друг друга. Георгий Максимович тоже был там.

Вадик сразу посерьезнел.

– У папы гости. Пойду переоденусь. Надо присмотреть.

Игорь остановился посреди двора, не зная, что делать, потом решил войти в дом, но чужой охранник преградил ему дорогу.

– Не стрелять! Свои! – весело крикнул заметивший его Георгий. – Поднимайся сюда!

Игорь поднялся на террасу; гости обернулись и замолчали, как по команде, уставились на него. Один, рыжий толстяк в очках, даже вскочил со стула, обмахиваясь панамой.

– Измайлов, вот за этого мальчика я ненавижу тебя дополнительно! Где ты его взял? Таких уже сто лет не производят! Куда ты его уводишь? Пусть выпьет с нами! Измайлов, не будь единоличником, полцарства за посмотреть!..

– Смотри-ка, ты обгорел, – игнорируя реплики своих гостей, Георгий повел Игоря в дом, через холл во внутренний двор.

Там струилась вода из чаши мраморного фонтанчика. Парень примерно одних с Игорем лет, в десантном камуфляже, в высоких ботинках, с плохо скрываемым любопытством рассматривал в воде белых лягушек. На бортике фонтана лежали животами, свесив вниз головы и руки, трое мальчишек лет десяти.

– Эй, – позвал Георгий Максимович парня. – Пойдем-ка, нужна твоя помощь. Как тебя зовут?

Тот с готовностью подошел.

– Гера.

– А это Игорь.

Он привел их в ту же спальню Максима, где уже не было чемодана, взял с полки в ванной комнате флакон и вручил Гере.

– Тебе задание. Игорь сейчас примет душ, а ты потом его намажь... спину, ноги – всё.

– Не надо, я сам, – отдернулся Игорь.

– Надо. Без разговоров. И займитесь чем-нибудь – осмотрите парк, там есть беседка, водопад. Возьмите на кухне сок и фрукты, я распоряжусь. Позовем вас, когда освободимся.

С улыбкой, от которой Игорю захотелось всем весом наступить ему на большой палец ноги, Георгий Максимович оглядел Геру.

– А Гера это что у нас – Герман, Герасим или Геракл?

– Генрих, – ответил тот.

– Ну я на тебя полагаюсь, Генрих.

В ванной, увидав себя в зеркало – красное лицо, воспаленные губы, песок в волосах, – Игорь с горечью сообразил, что хрупкий женственный Гера с фарфоровыми щеками очень выигрывает при сравнении.

Под душем кожу запекло, затем стало лучше. Игорь попытался все же отделаться от Геры, но тот только вскинул упрямый подбородок.

– Мне дали задание, и я его выполняю.

Жесткими маленькими ладонями он начал растирать спину Игоря. Спросил:

– А ты здесь живешь? Как называются эти жабы?

– Не знаю, – ответил Игорь. – Я только утром приехал.

– А откуда?

– Из Петербурга.

– А мы из Москвы. Но сейчас живем тут недалеко, в лагере в горах, у местных скаутов, по обмену. В принципе нормально. Дисциплина, тренировки, язык изучаем. Но у нас в резиденции, конечно, лучше все поставлено. Не сравнить.

Когда они вернулись к фонтану, мальчишки все еще рассматривали лягушек. Анатолий Алексеевич принес большой пакет с бананами, с красноватыми апельсинами, целую упаковку лимонада в жестяных банках. Попросил:

– Вы бы увели этих мелких архаровцев от греха. А то лягушки дорогие, мне за них голову снимут.

Гера предложил Игорю:

– Можно пострелять. Здесь же частное владение? У меня пневматика.

Мальчишки тут же облепили его:

– Гера, мы тоже! Давай постреляем! Мы с тобой!

В глубине парка они нашли беседку, о которой говорил Георгий. На перилах Гера поставил банки с лимонадом, разложил апельсины. Достал из плечевой кобуры пневматический пистолет.

– Конечно, из боевого оружия интереснее, но главное – практика. Нужно упражняться каждый день. Только тогда будет результат.

– Вы спортсмены, что ли?

– А ты что подумал? Террористы?

Поколебавшись, Гера протянул пистолет Игорю.

– Хочешь первый?

Игорь попал в одну банку. Она брызнула фантой и запрыгала по земле. Откинув белокурую голову, Гера сощурил светлые глаза.

– А ты левша? Я тоже могу с левой.

Он твердо вытянул руку и начал стрелять. Банки взорвались разноцветной пеной, заливая пол беседки, траву.

– Не расстраивайся, просто у меня больше тысячи часов наработано.

И он пустил по контрольному выстрелу в головы апельсинам.

– А почему ты так одет? У вас какая-то организация? – любопытствовал Игорь.

– Да. Это молодежное крыло партии.

– И что вы там делаете?

Гера взглянул на него холодно.

– Если в двух словах – работаем на возрождение России.

Мальчишки с воплями начали прыгать по банкам, выдавливая остатки пены. Только сейчас Игорь заметил, что все они светловолосые и сероглазые.

– Вы фашисты, что ли?

– Еще раз услышу – и ты об этом пожалеешь, – с нажимом пообещал Гера. – Да, мы верим в особую расу белых людей, но фашистов мы ненавидим – они хотели истребить русский народ. А мы, наоборот, призваны остановить вырождение нации. Когда придет время, мы очистим страну от подонков, маргиналов и черного зверья. Мы займем ключевые посты в управлении.

В парке стало уже совсем темно, только беседку освещали прожекторы. В кустах звенели цикады, вдалеке шумело море. Мальчишки притихли, сели рядом с Герой на ступени беседки.

– А кто такие маргиналы? – решил выяснить Игорь.

– Это наркоманы, алкоголики, бомжи. Еще извращенцы, психически больные, евреи и женщины, которые бросают своих детей.

Пухлые губы его сомкнулись в одну линию, и взгляд наполнился решимостью.

– И что вы с ними будете делать? – спросил Игорь.

– Это все сделает Бог. Или космический разум, если тебе так больше понятно, – почти с угрозой проговорил Гера. – Нужно только выждать время. Все равно они уже вымирают от наркотиков и водки. А мы придем, когда понадобится новый, здоровый генофонд.

Один из мальчишек, самый младший, обнял Геру за шею.

– Гера, дай нам пострелять! Хоть разик, Гера!

– А ты что у них, воспитатель? – спросил Игорь. – Зачем вас сюда привезли?

Тот снова посмотрел на него строго и подозрительно.

– Что-то слишком много вопросов ты задаешь. Ты, вообще, кто такой? Кем ты тут приходишься?

«Никем», – хотел ответить Игорь и вдруг осекся, подумав, что ответ будет слишком точным.

Когда их, наконец, позвали в дом, синяя ночь, стущаясь, уже скрыла сад и море, только огни отелей мерцали во мраке по всей длине побережья. Машины разъехались, во дворе остался один «кадиллак», на котором Вадик привез Игоря из аэропорта.

Георгий Максимович сидел возле бассейна в халате, распахнутом на груди. По его босым ногам стекали струйки воды. Рядом полулежал в шезлонге темноволосый кудрявый человек, тоже в халате и в сандалиях. Вблизи Игорь понял, почему лицо кудрявого кажется ему зна-

комым. Он выглядел старше и некрасивей, чем по телевизору, но спутать было нельзя – это был известный политик, депутат, лидер какой-то партии. Его выпуклые холодные глаза равнодушно скользили с предмета на предмет. Глаза Георгия блеснули.

– Ну вот, уже получше выглядишь... Это вы стреляли в парке? Будем надеяться, соседи не заявят в полицию.

Стол у бассейна был сервирован как в ресторане. На круглом блюде, на подушке крошеного льда, источая острый запах моря, мерцали перламутром крупные шершавые раковины. На горлышке обернутой полотенцем бутылки, покоившейся в серебряном ведре, виднелась красная полоска сургуча. Прижатый пепельницей листок бумаги, мелко исписанный цифрами и буквами, почему-то привлекал к себе взгляд – Игорь сразу понял, что это номера банковских счетов. Заметив, куда он смотрит, Георгий Максимович сложил листок и убрал в чехол нетбука, подмигнул.

– Ты знаешь сказку про Алису в стране чудес? Лучше представь, что тебе все это снится.

Игорь почувствовал, как рассеянный взгляд кудрявого человека наткнулся на его лицо и остановился.

– Породистый, – произнес тот без всякого выражения. – Припиши его к своим активам. Усмехнувшись, Георгий поднял бокал.

– Выпьем за вещи, которые украшают жизнь.

Игорь видел, как мальчишки – отряд Геры, – повинувшись едва слышному приказу, быстро разделись догола и попрыгали в бассейн. А Георгий Максимович взял изогнутый нож и начал с усилием раздвигать створки раковины.

– Нам нужен хлеб, промолвил Морж, и зелень на гарнир, а также уксус и лимон, и непременно сыр. И если вы не против, то начнем наш скромный пир...

– Открой-ка рот, – обратился он к Игорю. – Вот так, умница. И глоток вина. Вкусно?

Студенистый, пахнувший сырой рыбой комок слизи скользнул в горло. Игорь с трудом заставил себя проглотить устрицу, но зачем-то кивнул.

– Да...

Георгий Максимович открыл еще одну раковину, выжал лимон, взял за подбородок Геру.

– А теперь запей...

Представитель молодежного отделения партии мотнул головой.

– Я не пью спиртного.

– Это не спиртное. Это благодатный дар богов, в нем искры вечности. Давай-ка за здоровье Владимира Львовича.

Гера выпил. Владимир Львович медленно встал, снял сандалии, сбросил халат и, совершенно голый, направился к бассейну.

Георгий, казалось, не замечал того, что происходит.

– Ну как, заяц? Не завербовали они тебя в свой гитлер-югенд? – спросил он Игоря.

– Мы и не вербовали, – возразил Гера. – Пожалуйста, не надо нас так называть.

Обескураженный, Игорь смотрел, как голый Владимир Львович ложится на воду, на детский резиновый круг. Георгий Максимович потрепал Геру по волосам.

– Аргуубийца Гермес, похожий на юношу видом, с первым пушком на губах – прелестнейший в юности возраст... Вот что, снимай-ка свою амуницию.

Обернувшись, он сделал кому-то знак, и Игорь только тогда увидел Галину в белом переднике, с полотенцами в руках, с совсем другим, чем прежде, – угодливым и простоватым – выражением лица.

– Галина Яковлевна, выдайте нашему гостю халат, а то он совсем сомлел в своем обмундировании.

– Конечно-конечно, пойдемте, – улыбнулась она и повела Геру в дом.

Мальчишки в воде играли в пятнашки, издавая резкие звонкие вопли. Владимир Львович колыхался на волнах.

– Ну, как прошел день? – спросил Георгий, подливая себе и Игорю вина. – Нашли общий язык с Вадимом? Он компанейский парень. Хотя услуга есть услуга. Забавно бывает наблюдать, на какие компромиссы идет их обывательское сознание...

– Потому что они всё знают про нас? – пробормотал Игорь, пытаясь поймать его рассеянный взгляд.

– Не думай об этом. Поедем купаться. Сейчас море как парное молоко.

Он отпил вина, встал, потянулся, расправляя грудь.

– Есть одно простое средство к достижению гармонии с миром, малыш. Наслаждайся тем, что дается тебе здесь и сейчас. Когда мне было восемнадцать, мои амбиции были огромны, как Сибирь. Но жизнь тоже казалась огромной, и часто хотелось сжать время, словно газ в баллоне, чтобы получить все немедленно и сразу. Только недавно я научился пить жизнь с наслаждением, как это вино – без жадности, спокойно и благодарно...

Вернулся Гера, казавшийся хрупким и малорослым в просторном махровом халате, но сохранявший то же суровое выражение лица.

– Володя, – окликнул Георгий Максимович политика. – Поехали, окунемся в стихию вод. Я знаю место, там такая благодать – только ты, море, древние скалы и древняя земля. Может быть, ступаешь в след Юлия Цезаря...

Тот поднял вверх руку и показал средний палец. Георгий засмеялся.

– Об идах марта он тебе пророчит!

– Себе не накаркай...

– А я снайпера твоего возьму. Будем отстреливаться.

Георгий Максимович взял со стола принесенную Галиной новую бутылку вина, вручил Гере.

Игорь хотел развернуться и уйти в дом: «Поезжай с ним вдвоем, раз он тебе так понравился, этот придурок с мозгами набекрень! Пейте жизнь, наслаждайтесь гармонией с миром!» Но вместо этого спустился вслед за Герой во двор.

Георгий открыл обе передние двери «кадиллака», сам сел за руль.

– Устраивайтесь рядом, мы поместимся...

Камни зашуршали под колесами. Они выехали за ворота и помчались вдоль побережья, мимо особняков и каменных заборов. Георгий все прибавлял скорость.

– По этому поводу вспоминается Эпикур. Жизнь богов блаженна и изобилует всякими благами, ибо боги ничего не делают, не обременены никакими занятиями, не берут на себя никаких обязательств... Чему ты улыбаешься, заяц? Что взрослый дядька весь вечер говорит стихами?

Игорь, который и не думал улыбаться, оглянулся на Геру. Тем временем Георгий Максимович свернул с трассы на неосвещенный проселок, притормозил.

– Хочешь порулить, Игорь? Мне что-то попало в глаз. Тут все просто. Коробка-автомат, как на моем джипе... Ты умеешь.

Игорь перебрался за руль и медленно тронулся с места. Георгий Максимович включил дальний свет – дорога серебристо и туманно легла между низкорослых деревьев, словно покрытая льдом река. Ночные насекомые вылетали из травы и разбивались о фары.

– Не напрягайся, – подбодрил Георгий. – Прибавь газа. Не бойся, тут никогда никто не ездит. – И повернулся к Гере: – А ты взгляни, что там такое... Больно моргать, соринка или мошка...

Игорь смотрел только на поблескивающую впереди дорогу, на белую в свете фар траву по обочинам, но чувствовал, что рядом в темноте происходит что-то обескураживающее и откровенное. «Жизнь богов, жизнь богов», – повторял он про себя, словно заговаривая боль.

Наконец Георгий велел ему остановиться. Они вышли и стали спускаться к морю. В бухте, со всех сторон закрытой скалами, Георгий Максимович сбросил халат и раскинул руки.

– Ну что, nereиды мои? Вперед!

Песок охлаждал ступни, вода сначала показалась прохладной, но затем сделалась теплой, бархатистой и густой, как темное вино, налитое в огромный бокал. Далеко слева мерцали огни города.

Игорь сразу быстро поплыл, чтобы оставить их вдвоем. Потом лег на спину, глядя в небо, испытывая боль ревности – такую сильную, что хотелось выдохнуть и медленно погрузиться в воду, на самое дно.

Георгий Максимович вынырнул рядом, отфыркиваясь.

– За тобой не угнаться. Не надо заплывать так далеко, малыш... Мы все выпили.

– Мне все равно, – сказал Игорь.

– А мне – нет. Давай-ка к берегу...

Они поплыли обратно. Когда ноги натолкнулись на дно, Георгий Максимович обнял его в воде, вытащил на песок и крепко обхватил сзади руками, зашептал в самое ухо, щекоча мягкой бородкой:

– Не бойся, все будет хорошо...

Гера оказался внизу, у бедер. Его горячий язык скользнул по животу Игоря.

– Тихо. Расслабься. Погладь его.

Скованный стыдом и ревностью, Игорь пропустил минуту, когда еще можно было оттолкнуть их. Его пальцы запутались в мокрых волосах Геры, теплых, как свалившаяся шерсть. Потрясенный, Игорь видел, что Георгий Максимович почти совсем не пьян. Он действовал с той же пылкостью и страстью, что и утром, когда они были вдвоем. И когда, обнимая и подталкивая, он поменял их местами, Игорь всем своим существом осознал, какое незначительное место занимает в его сердце – в последнем ряду, вместе с Герой и с теми другими, о которых говорил Вадик, – «постарше, лет двадцати пяти».

Это открытие причинило такую жестокую боль, что, когда все закончилось, Игорь сразу вскочил и начал искать в темноте свою одежду, смагивая слезы.

– Мы еще раз искупаемся, заяц, – проговорил Георгий, пытаясь удержать его. – Я весь в песке.

Игорь натянул только шорты, схватил футболку и побежал по камням вверх. Уже со скалы крикнул им:

– Купайтесь сколько хотите! Я больше не буду мешать!..

«Кадиллак» стоял с распахнутыми дверцами, ключи остались в замке зажигания. Он сразу завел машину и поехал. Тяжелый автомобиль недостаточно быстро набирал скорость, тогда Игорь начал давить на газ, виляя по дороге из стороны в сторону, удерживая руль одной рукой, ладонью другой вытирая слезы.

Фары встречной машины ослепили его. В панике он еще сильнее выжал газ. Два круглых белых световых шара завертели перед его лицом и с силой ударили в грудь.

Очнувшись он от громкого воя sireны. Навалившись на дверь, выпал из машины и, оглушенный, сел на землю. Через какое-то время его подняли, начали ощупывать, назойливо задавая один и тот же вопрос.

Он увидел бегущего по дороге Георгия Максимовича в распахнутом халате и начал приходить в себя.

– Игорь! – кричал тот, подбегая. – Черт бы тебя подрал! Дайте я осмотрю... Что, где ты поранился?.. Здесь больно?.. Да заткните вы сигнализацию, клемму скиньте!..

«Кадиллак» ревел, одной фарой уткнувшись в ствол старого масличного дерева, другой освещая дорогу и роящихся над ней ночных насекомых. Вторая машина, рядом с которой стояли Вадик и Владимир Львович, была оцарапана по всему левому боку.

Игорь вдруг пришел в ужас от того, что натворил.

– Я не хотел... я испугался! – пробормотал он, дрожа. Георгий прижал его к себе.

– Ну-ну, тихо, все обошлось... А это что? Кровь?..

Увидев, как кровь каплет на руки Георгия, на испачканный песком халат, Игорь схватился за лицо ватными пальцами и впервые в жизни ощутил приступ дурноты.

Всему последующему сообщилась призрачность сна. Его уложили на заднее сиденье. В доме, в ярко освещенном холле, Георгий Максимович сам продезинфицировал ему ссадину на подбородке и заклеил пластырем, заставил выпить несколько глотков коньяка.

– А теперь спать.

Владимир Львович вошел вслед за ними в спальню и встал у кровати, разглядывая Игоря, словно выбирая устрицу на блюде.

– Пациент скорее жив?..

Георгий взял политика за локоть и почти насильно повел к дверям.

– Всё в порядке, Володя. Извини.

Игорь стащил влажные шорты, закрыл глаза. Ему снова привиделись фары приближающейся машины, начался озноб. Он завернулся в одеяло, но дрожь не унималась. Потом пришел Георгий Максимович и сел рядом на постель.

– Ну как ты? Я посижу с тобой, потом пойду наверх.

– Что теперь будет с этой машиной? – спросил Игорь.

– Починят, не волнуйся. Бог с ней. Главное, что ты цел. Голова не болит?

– Нет. А с кем ты пойдешь наверх? С Герой?

Георгий помолчал, потом поднялся, закурил сигарету.

– Знаешь, что я заметил? Когда лучше сидеть тихо, ты выкладываешь все, что на уме. А когда можно что-то решить словами, ты молчишь, но вытворяешь какие-то безумные художества.

– Я тебе уже надоел? – проговорил Игорь, глядя ему в лицо. – Я хуже трахаюсь, чем он? Он тебе больше понравился, потому что младше выглядит?

Георгий Максимович сначала усмехнулся, потом нахмурился.

– Ты за кого меня принимаешь? Впрочем, поделом... Связался черт с младенцем.

– Я не младенец, я все понимаю, – сказал Игорь. – Я знаю, что этот Владимир Львович с ними делает. И зачем их сюда привезли.

Георгий покачал головой.

– Давай договоримся, Игорь. Раз уж ты оказался здесь по моей глупости, запомни правило трех обезьянок. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

Ладонью он прикрыл Игорю глаза, потом рот.

– А если будут пытаться?

– Типун тебе... Давай-ка выпей еще два глотка и засыпай.

После коньяка озноб отпустил, и по телу разлилось усыпляющее тепло. Мысли Игоря путались, он вдруг вспомнил разговор с Герой в парке.

– А ты веришь, что космический разум истребляет ненужных людей?

– Не верю, – ответил Георгий. – Хотя ему и следовало бы кое от кого избавиться. Спи. Если будешь хорошо себя чувствовать, завтра поедем кататься на катере к островам. А через пару дней мы с тобой отправимся в Барселону и дальше по побережью. Там живописные места – скалы, виноградники... Я иногда думаю – выйду на пенсию, куплю себе ферму где-нибудь в Нормандии. Простой комфортабельный дом с черепичной крышей. Заведу собаку, лошадь... Буду писать мемуары.

– Заведи тоже меня, – пробормотал Игорь сквозь дрему. – Я могу кормить собаку и лошадь. Или готовить еду.

– Ну нет, тебе это не подойдет. Ты будешь еще молодой мужчина, а я превращусь в ворчливого деда, выжившего из ума. Я и сейчас уже совершаю одну глупость за другой.

– Я тоже твоя глупость?

– Конечно.

– Самая большая? – пробормотал Игорь, чувствуя, как погружается в сон.

– Ну-ну, не обольщайся, – ответил ему уже далекий голос.

Глава третья. Максим

*Ласкала мать мальчишку и баюкала:
«Вот вырастешь и на четверке, в пурпуре,
Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька».
Я ж говорил: «Вот вырастешь – и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, козюх надев».*

Аристофан

Максим проснулся поздно – около двенадцати. В кухне он застал экономку Валентину и новую молодую горничную, которую наняли в его отсутствие. Спросив кофе, он сел напротив новенькой. Под его взглядом щеки девушки слегка зарозовели, но она не перешла к другому столу – так и продолжала быстро крошить зелень, подрагивая губами и ресницами.

В саду стояла мирная благодать – солнечные лучи пробивались сквозь листву, посвистывали птицы, пахло грибами, первоначальной осенью и бархатцами, которые из года в год высаживал вдоль дорожек дворник Навруз или его жена, жившие в доме для прислуги в дальнем углу парка.

Максим сорвал один крепкий оранжевый цветок, растер в пальцах и впервые за эти сутки почувствовал что-то похожее на радость возвращения домой.

Со стороны ворот навстречу ему ехал дед на велосипеде. Обветренное лицо, словно наспех вырезанное из дерева твердой породы, казалось значительным только на расстоянии, а вблизи удивляло неопределенностью мелких черт – как, пожалуй, у всех прирожденных тиранов.

– Зайди ко мне через полчаса, – проговорил дед, минуя приветствия, и, оттолкнувшись, поехал дальше, энергично выжимая педали.

Глядя на его сухие ноги и поджарый зад, Максим вспомнил новую горничную со светлыми усиками над губой. Условия задачи: среднестатистический мужчина думает о сексе каждые двенадцать минут. Является ли среднестатистическим мужчиной, который думает о сексе с положенной частотой, но с отвращением?.. При этом: можем ли мы с достаточной точностью определить, какие размышления имеют прямое отношение к области сексуального, а какие лишь косвенное? И можем ли мы в таком случае всерьез рассматривать возможность каких-либо статистических исследований в этой сфере?..

Размышляя таким образом, Максим заметил Марьяну, стоявшую на крыльце. В своем глухом черном джемпере и в шерстяной юбке она казалась случайным мазком темной краски на картине, полной света и воздуха. Чтобы не встречаться с ней, он обогнул оранжевую и вошел в дом со стороны кухни. Новая горничная опять попала ему навстречу, на этот раз с охапкой белья.

– Павел Сергеевич просил вас зайти к нему в кабинет.

Повинуясь какому-то умозрительному любопытству, Максим преградил ей дорогу, заставил отступить к стене. Затем шагнул к ней, сунул руку в вырез ее халата и сжал в ладони теплое, чуть влажное на ощупь полушарие груди.

Она стояла молча, испуганно расширив глаза, а он анатомировал свои чувства: холодный интерес, легкая брезгливость и возбуждение от сознания полноты власти над другим существом. Интересно, подумал он, что она имеет и на что рассчитывает? Зная деда, можно предположить, что тот даже не делает ей подарков. Хотя кто знает? Именно к таким привязываются старики. Маленькая, крепко сбитая, свежая и теплая.

Он отпустил ее и кивнул.

– Спасибо, я уже иду.

Поднимаясь по лестнице, он понюхал свою руку, от которой теперь исходил слабый цветочный аромат. Любопытно, входит ли мужчина, которому за шестьдесят, в число среднестатистических? Наверное, это уже другая категория, как младенцы.

Дед сидел не за столом, а в кресле перед баром. Он уже переоделся в желтую трикотажную рубашку и спортивные брюки, по-домашнему. Кожа с пятнами старческой «гречки», дряблая ближе к началу шеи, все еще крепко обтягивала скулы и лоб.

– Рад, что ты все-таки решил вернуться, не прошло и года. Надеюсь, ты хорошо отдохнул в Мексике, трех месяцев хватило?

– Да, – кивнул Максим, усаживаясь в кресло напротив, никак не отвечая на прозвучавший в интонациях деда сарказм.

– Тем лучше. Значит, с начала недели сможешь приступить к работе.

– Честно говоря, я не планировал так сразу, – проговорил Максим после паузы. – Я писал тебе и отцу, что хотел бы продолжить учебу. Хотел вернуться в Англию еще на год...

Дед налил в стакан минеральной воды из бутылки.

– Нет. У меня другие планы на твой счет. Лишняя учеба никого еще не сделала умнее.

Максим знал, что возражать бесполезно, поэтому просто ждал, что он скажет дальше. Часы в бронзовом корпусе (подарок на шестидесятипятилетие) отщепляли от времени секунды. Тогда, к юбилею, заказали еще и фантастических размеров торт, который разрезали на сто двадцать кусков.

Дед тоже молчал, поймав его взгляд, покосился на часы.

– Время проходит быстро, – изрек он наконец, словно возвещая некое откровение. – Ты еще этого не понимаешь. Поэтому принимать решения должен тот, кто за тебя отвечает. Ты сам после скажешь спасибо.

Максим со скукой подумал, что сейчас ему придется прослушать лекцию об ответственности и долге, о потерянном поколении и преображающей роли труда. Однако вместо пространных рассуждений дед просто осведомил его:

– С понедельника выйдешь в отдел Марьяны на место уволенного сотрудника. Когда освоишься, примешь направление рекламы и маркетинга. Тебе скоро двадцать три года. Пора серьезно входить в семейное дело, ты наследник.

При упоминании о «семейном деле» Максим всякий раз мысленно представлял себя в серой толпе офисных служащих, ежедневно в назначенный час стекающихся к стеклянным дверям административного здания. Он думал о кабинетах с рядами столов и мониторов, разделенных перегородками, о безнадежных жалюзи на окнах, о менеджерах с несвежими лицами, которые о чем-то бесконечно говорят по телефону.

– С понедельника? – переспросил он, помимо воли выдавая свои чувства.

– Рабочий день у нас с девяти до шести, – уточнил дед. – Оформление по трудовой книжке. Оклад будешь получать соответственно штатному расписанию. Если есть вопросы, поговори с Марьяной.

Дед поднялся, показывая, что беседа окончена. Максим, растерянно подыскивавший причину отложить начало своей карьеры хотя бы на неделю, так и не нашелся что сказать.

– На этом все, – поторопил его дед, поворачиваясь спиной. – Я хочу поработать перед обедом. Не опаздывай к столу.

В хорошую погоду, как сегодня, обедали на веранде. Максим вышел к столу одновременно с дедом, и при их появлении Марьяна встала из кресла-качалки, отложила газету, которую просматривала.

– Какую ты погоду привез, Максим! Я уже не думала, что еще будет так тепло. Пойдем потом на корт?

– Я собираюсь в город, встретиться с друзьями, – ответил он. Тетка пожала плечом.

– Ну смотри, а то такая благодать, скоро все облетит и снег повалит... А для кого это четвертый прибор?

– Георгий, – кратко ответил дед, усаживаясь во главе стола.

– А-а, – протянула тетка с подчеркнутым безразличием. – Но мы же не будем его ждать?

Отцовский «Астон Мартин» как раз выехал в эту минуту из-за деревьев и мелодично просигналил.

– Не будем, – кивнул дед и обратил на нее один из тех взглядов, после которых когда-то за семейным столом надолго повисала тишина. Но не в этот раз: отец уже легко избегал по ступеням – загорелый, помолодевший, в светлом льняном костюме, с бутылкой вина в руках. Они обнялись, и Максим почувствовал отголосок давно забытого детского волнения, ощутив легкий аромат его одеколона, сухое тепло губ, касающихся щеки.

– Ну как ты, милый? Отлично выглядишь, повзрослел, возмужал. Прямо пионер прерий. Как твоя экспедиция? Как дорога?

Дед привстал, протянув отцу ладонь.

– Присаживайся, Георгий. Да, Максим и нам еще ничего не рассказал. А хотелось бы послушать, с чего вдруг в нем открылся такой интерес к археологии.

– Здравствуй, Георгий, – кивнула на приветствие отца Марьяна, пристально исследуя сначала вилку, затем нож на предмет наличия пятен.

– А я бы и сам не отказался уехать куда-нибудь на край света месяца на три, – отец отдал бутылку горничной, жестом показал, что нужно открыть. – Тем более Мексика завораживает. Надеюсь, вы нашли разгадку тайны пирамид? Слава пришельцам или все-таки рабам?

– Разве ты сам не знаешь, папа, на какие свершения способны рабы, если их грамотно вдохновить?

Вытирая руки горячим влажным полотенцем, которое подала горничная, отец глянул на него с улыбкой.

– И все же расскажи, где ты был, что видел? Это ведь очень своеобразная культура. Мы так мало знаем о ней.

– Мы были и в Канкуне, и в Мехико, но основной лагерь размещался в штате Юкатан. Кампече, Мерида. Там множество древних построек.

– А этот главный храмовый комплекс?

– Теотиуакан? Аттракцион для туристов. Хотя, конечно, впечатляет. С десятков различных храмов – пирамида Солнца, пирамида Луны, Храм воинов. Шестьдесят метров в высоту, с двадцатипятиэтажный дом...

– Это что-то вроде язычества? – рассеянно полюбопытствовала Марьяна. – Кто у них главное божество?

– Ацтеки поклонялись Солнцу, кормили его человеческими жертвами. Они считали, что если бог Солнца Уицилопочтли не получит вовремя сердце, вырезанное из живого человека, произойдет мировая катастрофа, апокалипсис.

– Да, я что-то слышала об этом, – поморщилась тетка, разрезая на тарелке салатный лист.

– С другой стороны, у них имелся обширный пантеон богов помельче – бог воды, бог времен года, бог кукурузы, бог цветов, песен и танцев. Эти тоже требовали своих жертв. К слову сказать, статую одной богини, матери Уицилопочтли, случайно нашли во время земляных работ в конце XVIII века. Рабочие так испугались, что зарыли ее обратно. Потом только, спустя десятилетия, достали и перевезли в музей. Это такой каменный истукан в три метра высотой, ни на что не похоже. Со змеями вместо головы и черепом, вылезающим из живота. Символизирует кровавое жертвоприношение.

– Не вижу большой беды, что мы мало знаем про эту культуру, – подвел итог теме дед. – Сейчас-то там безопасно?

– Да, но можно умереть от жары.

Отец тем временем разлил вино.

– Это из Испании? – спросила тетка, посмотрев на бутылку, и тут же отвернулась, чтобы оглядеть с ног до головы вошедшую с подносом новую горничную.

– Да, – улыбнулся отец. – Молодое, нынешнего урожая... Неплохое, на мой вкус.

– Ну, давайте попробуем, – дед поднял бокал.

– За твое возвращение, Максим. Надеюсь, ты не будешь слишком разочарован нашим умеренным климатом и мирными нравами, – поднося бокал к губам, отец подмигнул Максиму заговорщицки, и на лице его заиграли солнечные блики.

– Кстати, как твои бабочки? Нашел что-нибудь?

– Теперь он коллекционирует живых, – язвительно обронила тетка, поправляя нитку жемчуга на шее.

За этим обедом ее лицо, словно соревнуясь с отцовским в обратную сторону, делалось все жестче, некрасивей и старше, и острый взгляд уже почти царапал поверхности, как неровный край стекла.

– В этом тоже есть свой азарт.

– Ты действительно так считаешь, Георгий? – желчно произнесла она. – Кстати, как ты провел время в Аликанте? Я как раз хотела поехать, но папа сказал, что у тебя там гости, что я помешаю...

– Так поезжай сейчас. Еще тепло, думаю, можно еще купаться, – отец щедро улыбнулся, так же щедро посыпая свой салат перцем, и повернулся к деду. – Как вино? Я принесу еще бутылку из машины.

Дед кивнул.

– Да, принеси. Мне нужно вам кое-что сообщить.

Максим понял, что сообщение касается начала его рабочей карьеры. Пока отец ходил за вином, дед наградил тетку тяжелым взглядом и замечанием:

– Ты как будто выпрашиваешь, с кем он был в Аликанте. А это не наше дело, *не мое и не твое*.

Горничная убрала тарелки и принесла горячее – телятину с овощами для них и вегетарианские котлеты для Марьяны. Отец вернулся за стол. Вино было разлито по бокалам, и дед поднял свой, обводя домочадцев внимательным, тяжелым, но каким-то потухшим взглядом.

– Хотя еще не декабрь, мы уже можем начать подводить итоги этого непростого для всех года. Мы много потеряли из-за кризиса, и по активам, и по ожидаемой прибыли. Пришлось свернуть перспективные проекты, производство выживает только за счет других направлений... Вам все это известно не хуже меня. В этой ситуации я принял решение, которое обусловлено многими причинами и уже не подлежит обсуждению. Я хочу сообщить, что я начал реструктуризацию холдинга. Проще говоря, структурный раздел.

Максим присвистнул про себя, на лице Марьяны отразилось болезненное недоумение. Отец же оставался спокоен – он даже не отложил вилку и нож. Дед продолжал:

– Наши компании будут объединены в три независимые группы, в каждой из которых главным учредителем станет один из вас. Все остальные, включая меня, войдут в эти фирмы как акционеры и члены совета директоров, с пропорциональным участием процентом. Генподряд и стройку возьмет Марьяна, инвестиционный раздел и общее управление проектами – Георгий. Все, что касается нашей коммерческой недвижимости, пока возглавлю я с условием передачи Максиму, когда он полноценно освоится. Будет создана единая структура, которая систематизирует работу с арендаторами и продвижение наших услуг на рынке. Свою долю по банку Сирожей и место в совете директоров я передаю Марьяне, но за Максимом останется моя часть комбината. Все компании войдут в новую ассоциацию, которую мы регистрируем до начала будущего года.

«Что-то мне это напоминает», – подумал Максим.

– Вы получите полный контроль над вашими подразделениями и самостоятельность в принятии решений. Мне бы хотелось, чтобы ты, Максим, и ты, Марьяна, стали полноправными владельцами своих компаний и полностью вели работу по ним. Возможно, соучредителями в эти фирмы войдут Шулепов, Васкунец и Сирож. Ну и ты, Георгий, видимо, захочешь подключить своих компаньонов – это нужно будет отдельно обсуждать. В общих чертах я решил с юристами, как это лучше провести. Документы готовятся, регистрацию начнем в ближайшее время.

Марьяна, которая все это время напряженно вглядывалась в лицо деда, вдруг заявила, повысив голос:

– Я не понимаю, папа... Все вокруг укрупняются, а мы будем разделяться? Для чего это нужно? Почему эта реструктуризация необходима именно сейчас? И почему ты ничего не говорил...

– Это мое решение, – повысил голос дед, сурово сдвигая брови. – И я не собираюсь перед тобой отчитываться. Достаточно того, что сам я считаю это правильным. Будет так, как я сказал.

В этот момент маленькая горничная оказалась возле Максима, и он погладил ее под столом по коленке, обтянутой гладким чулком. Девушка вздрогнула и опрокинула бокал. Вино разлилось по скатерти, а бокал покатился к краю стола и упал на пол, расколовшись с мелодичным звоном.

– Ну что ж, на счастье! – произнес отец, снова улыбаясь широко и щедро.

Дед коснулся руки горничной.

– Ничего, Настя, не суетись. Чай принеси в кабинет. И ты, Георгий, пойдем со мной. Для остальных повторяю – вопрос закрыт и обсуждаются только детали.

Отец легко поднялся, и Максим вдруг подумал, что никогда не видел его таким сияющим, полным жизни, счастливым. И это никак не было связано с разделом холдинга; Максим почему-то чувствовал, что объявление деда здесь ни при чем.

– Давно у нас эта горничная? – спросил Максим тетку, когда они остались вдвоем.

Та напряженно уставилась на него своими темными, близко посаженными глазами.

– При чем здесь горничная? Ты считаешь, она имеет к этому отношение?

– А ты разве не видишь?

– Что я должна видеть? – ответила она так, что Максим понял – она и в самом деле не замечает или не хочет замечать того, что происходит у нее под носом. Мастерница по установке и поддержанию в идеальном порядке социальных изгородей, тетка всегда относилась к службе с корректной брезгливостью. Максим не удивился бы, узнав, что она всерьез считает горничных, шоферов и охранников представителями другой, низшей породы людей. Вероятно, ей вообще не приходила в голову мысль, что делегат чужого подвига в один прекрасный момент может сесть за один стол вместе с ними.

– У нас готовится такая встряска, а у тебя в голове одни смазливые девицы, – продолжала она. – Не понимаю, что это за странные решения, зачем он это делает, почему я обо всем узнаю последней... Почему он не посоветовался ни с кем из нас?

Максим накрыл перевернутым бокалом неизвестное насекомое, залетевшее в окно с куста шиповника.

– Ты как будто вчера узнала деда. Его хоть когда-то интересовало наше мнение? Кстати, если ты в курсе, с кем папа ездил в Испанию, – скажи, мне тоже интересно. Он сияет, как жених. Или как невеста... Я имею в виду, как счастливый влюбленный или как там принято у них.

Тетка быстро поднялась, отодвинув стул.

– Если ты хочешь меня задеть, удар пришелся мимо. Мне глубоко безразлично, чем и с кем занимается твой отец. Главное, чтобы он не выносил эти вещи на публику, как это почему-

то стало модно. И если ты полагаешь, что я наивна в этих вопросах, то ошибаешься. Просто я предпочитаю не касаться предметов, которые дурно пахнут и вызывают омерзение.

Отец постучал в дверь, когда Максим заканчивал переодеваться.

– Ты готов? Тогда поехали, подвезу тебя в центр.

День клонился к вечеру, сквозь еще густую листву на землю падали косые солнечные лучи. Распахнув перед ним дверь своей джеймс-бондовской машины, отец шутливо поклонился:

– Прошу... Белый господин не возражает против Боба Марли?

Он посигналил, прощаясь с дедом и Марьяной.

– Ну? Какие мысли по этому поводу?

– Никаких, – признался Максим.

– Весьма прискорбно, что тебя не интересуют даже такие эпохальные события в истории семейного бизнеса.

Максима раздражал его насмешливый тон, и он ответил в том же духе:

– Это знание рождает скорбь, папа. А невежество, наоборот, облегчает карму.

Отец быстро взглянул на него.

– Меньше знаешь – крепче спишь, больше знаешь – крепче пьешь? Однако жизнь нельзя прожить в тарелке с манной кашей.

Максим поймал себя на том, что разглядывает его холеные руки, лежащие на руле. Узкое кольцо из скромной платины и браслет часов, полускрытый манжетой, дополняли мужественно-элегантный образ их владельца.

– Ты имеешь в виду, папа, что я живу слишком хорошо?

– Я имею в виду, что тебе пора учиться принимать решения самому. У твоего деда крутой характер, но это не значит, что ему нужно слепо повиноваться.

Для самого себя неожиданно Максим проговорил:

– А тебе это не напоминает историю короля Лира?

Отец не выказал удивления, только снова взглянул на него, быстро и внимательно.

– Это Марьяна сказала?

– Нет, это моя мысль.

Он кивнул.

– Дед сообщил, что с начала недели ты выходишь на работу... Давай в понедельник вечером поужинаем вместе и спокойно поговорим. Обсудим наши перспективы. Все это действительно несколько неожиданно, но здесь я согласен с Павлом. В конечном итоге реорганизация принесет только пользу.

– Хорошо, – согласился Максим. – Давай. Думаешь, дед затеял раздел имущества, потому что собирается жениться?

На хорошей скорости отец вышел на встречу, обогнал колонну грузовиков.

– Жениться?... С чего ты это взял?

– Просто подумал, почему бы нет? Это вполне в его духе, заставить всех нас считаться с его прихотями.

– Ты бы этого не хотел?

– Не знаю. Думаю, что мне было бы все равно, – ответил Максим почти искренне. – Если, конечно, она не будет претендовать на *все* наши деньги. Кстати, а ты сам не собираешься познакомить меня с будущей мачехой?

– Бог ты мой, при чем тут я? – рассмеялся отец излишне весело. – Или ты считаешь, что желание жениться – заразная болезнь вроде свинки?

– Просто я в книжках читал, что счастливые романы обычно заканчиваются женитьбой.

– Кто сказал, что у меня счастливый роман? – отец дернул щекой, снова прибавляя скорость.

– Ну... ты выглядишь именно так.

Максим видел, что он раздосадован, хотя старается казаться спокойным.

– Ты просто выдумщик, дорогой мой. Впрочем, обещаю, как только арсенал моих уловок в маневрировании между брачных силков иссякнет, ты первым узнаешь радостную весть.

Максим кивнул.

– Договорились.

– По рукам. Где тебя лучше посадить? У меня встреча в центре, недалеко от площади Восстания.

– Я выйду на Невском, у «Европы», – ответил Максим. – Меня ждут друзья.

Радик, Добрыня и Кот ели суши, девушки – фруктовые салаты. Китти выскочила навстречу, обвила длинными руками.

– Ма-а-акс!.. Какой ты стал мачо, такой загоревший весь... Прямо ковбой. А мы уже заждались.

Он сел к ним, заказал себе зеленый чай и пирог.

– Ну, рассказывай, как Мексика?

– Кактус жрал? Проперло?

– Как она, первая встреча с Мескалитом?

Подружка Китти Вика, по прозвищу Румпель, поморгала влажными оленьими глазами.

– А Мексика – это где, в Африке?

– Если я когда-нибудь женюсь, то только на тебе, – пообещал ей Андрей Добрынин, будущий владелец крупного мебельного производства.

Котов обернулся к Максиму.

– А мы же тоже с Жирным круизинг совершили, по Средиземноморью. Одиссея с Илиадой в одном термосе. Масса впечатлений. Короче, кто ищет – тот нарвется.

– Масса кала, – хмыкнул Радик Кочетков, сын хозяина сети продуктовых супермаркетов. – Встали, пожрали, выпили, задрыхли. Вечером нажрались на той же вонищей палубе или в убитом баре, поеблись с официантками, задрыхли. Как в больнице, всё по расписанию. А вокруг одна вода – топись сколько влезет.

– Тут, что ли, другая херь?

– Тут хоть пёзды разные... И главное, на берег выйдешь – тебя всё тащат по церквям и кладбищам, как будто мы какие-то старухи Изергиль. Могила Бродского, могила Дягилева, могила Васи Суходрищева... Венеция эта вонищя... гондолы, бя!

– Не выражайся при дамах, Жирный. Твоя проблема в том, что тебе с детства не привили никаких понятий о духовности, – проговорил Кот, разглядывая свои блестящие ногти. – Поэтому ты не умеешь наслаждаться такими простыми на первый взгляд, но по сути вечными явлениями, как море, звездное небо надо мной, анальный секс... Ты животное, Жирдяй, поэтому жри свой компост и не хрюкай.

– А вот это видал? – Радик поднес к лицу Котова кукиш. Тот поморщился.

– Что ты хочешь сказать этим жестом?

– Что я ебал тебя с твоей духовностью.

– Вот только не нужно выдавать желаемое за действительное.

Китти выбирала ложечкой фрукты из хрустальной вазочки и строила глазки Максиму. Белокожая брюнетка, тонкая и легкая, она была похожа на слетевшую с цветка царицу эльфов. Прошлой осенью, когда Катя только пришла работать в «Фэшн-Хаус» к Дорошевскому, Максим почти влюбился в ее бескрылую хрупкость. Но отношения закончились, не успев толком начаться – какие-то поцелуи наспех, секс в машине... Потом Максим уехал в Манчестер, и она

переключилась на Кота – Андрея Котова, который в их компании выступал в амплуа самого умного. Его отчим был преуспевающим юристом, а мать занималась сделками с недвижимостью.

– Макс, ну ты хоть Расскажи, как съездил? – проворковала Китти, прибавляя в обертоны голоса еще каплю сдержанной страсти, словно ваниль в тесто для пирога. – А то сидит такой весь загадочный, молчит...

– Он проник в тайное учение дона Хуана, – предположил Котов.

– Я просто перевариваю семейный обед, – возразил Максим, отпивая глоток чая. – А это довольно тяжелое блюдо.

– А вон девчонки идут, – внезапно вскрикнула Вика, показывая сквозь стеклянную стену ресторана на двух девушек. – Это новенькие, сейчас вас познакомим.

– А ты в теме, Макс, как Жирдяй свою вольвицу расхуячил по накурке? – вскинулся Добрынин, как всегда равнодушный к пополнению женских рядов компании – не столько из-за отсутствия интереса, сколько из-за пресыщенности этой приправой.

– Да, сука, по такой накурке за руль сел! – заржал Радик. – Еду, бля, меня распирает! А потом такой выворачиваю и правым боком вхожу в фуру, по колесу... ну меня крутануло в карусель... прикинь, стою уже на обочине, а меня прет! Люди такие подбежали – типа плакать надо, а я прусь, как лошадь в цирке.

– Знакомьтесь, Таня и Лиза, – представила подружек Вика. – А эти веселые и симпатичные ребята – Андрей, Радик, еще Андрей и Максим. Да садитесь, чего вы как не родные? И желания загадывайте между двух Андреев – стол-то круглый.

– Ну, какие расклады у нас? – спросил Кот, оценивающе оглядывая новеньких. – Ты прозвонил Симе, Жирный? Едем?

– А я лично тут бы еще посидела, – заявила Вика. – Тут приятненько и вообще.

– Это, кстати, Макс Измайлов, – улыбнулась одной из новых подружек Китти. – Ты же его еще не видела? Скажи, на папу похож?

– Да, офигенно похож.

– Всё, кроме ориентации.

– Ой, Макс, а ты уже знаешь про... ну про Игорька? – Китти заморгала пушистыми ресницами.

– Вау, это же хит сезона! Реалити-шоу, просто сериал! Мы все припухаем по-тихому! – Вика со звоном бросила ложечку в блюдо.

– Подожди, дай я расскажу, – перебила Катя.

– Нет, дай я, я живой свидетель! Это же в кино надо было снимать! Мальчика уже фактически уволили, а Измайлов заходит в гримерку, весь такой элегантный, весь в «Армани», у нас челюсти отвисают медленно... И таким царственным взглядом всех окидывает. И полное молчание! И тут мы все понимаем, что мальчик просто сработал по-умному и пошел без разговоров за ним.

Китти засмеялась серебристо.

– Ага, и в понедельник его привозят утром на измайловском «мерсе». Вот такие синячищи под глазами, на шее засос.

– Да он и сейчас по понедельникам никакущий! Вечно спит на лавке в раздевалке.

– Зато у него теперь и личные проекты, и весь оделся, и Василий с ним сама любезность. И в Испанию его свозили. Как говорится – побрила шубку, получила замшевое пальто.

Максим почувствовал легкую тошноту, вспомнив испанское вино – «молодое, нынешнего урожая».

– Ну, я не согласна, – капризно скривила губки Китти. – Все не так пошло. Измайлов охуительный мужик. В нем деньги – совсем не главное. Конечно, мальчик повелся, он же вообще

маргаритка, ничего не видел в жизни. А тут тебе подарки, рестораны, поездки, любовь-морковь.

– Хочешь так думать – дело твое. А я так уверена, что он далеко не такой наивный лошок, каким представляется.

– Слышь, Максимен, а у тебя папахен что... из наших, что ли? – запоздало удивился Добрыня.

Котов поднял вверх палец.

– «И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма».

– Да ладно, что такого-то, – возразила рыженькая Лиза. – Ну нравятся ему парни. Может себе позволить. Все взрослые люди, криминала нету.

– Воеводин, кстати, несовершеннолетний, – заметила Вика. – Ему восемнадцать будет только в декабре.

– Главное, пришли такие, обсуждают свои дела, – пробормотал Радик, вытирая рот. – И кто это тут «из наших»? Я лично не из этих, если кто еще не в курсах.

– Я тоже не понимаю, о чем вы говорите, – сказала четвертая подружка. Все это время она напряженно молчала, оглядывая их компанию с явным неодобрением.

– Да, ты же не знаешь Измайлова! Таня просто не из агентства, она в клубах выступает.

– Стриптизерша?

– Кстати, он мне внешне совсем не нравится, – Вика никак не могла оставить предыдущую тему. – Вообще не в моем вкусе. Хотя я признаю, что данные хорошие, но совершенно не мое.

– Оно и не твое, – снова засмеялась Китти. – Кстати, видно, что у него будет пик внешности года через четыре, когда тело и лицо подкачается, углы всякие уйдут... А как человек он, кстати, неплохой.

– Всё – хуета и томление духа, – подытожил тему Котов. – Пора нам ехать в Холмогоры.

– Я не стриптизерша, – вдруг возвысила голос четвертая девушка. – Я певица, выступаю с джазовой программой...

– Зачем? – спросил Добрыня, ощупывая ее взглядом.

– Что зачем?

– Зачем с такими буферами еще и петь?

Она попыталась встать, но Вика удержала ее за руку.

– Ой, да успокойся, Таня! Они шутят, они всегда такие!

– Какие это мы «такие»? – снова обиделся Радик.

Китти потрепала его по волосам.

– Веселые и остроумные.

– А еще раскрепощенные и суперсексуальные, – добавил Добрыня. – Я бы даже выразился так – гиперсексуальные и суперраскрепощенные...

– Вот только Максик такой задумчивый, – промурлыкала Китти, прижимаясь к плечу Максима. – Ну ничего, мы тебе поднимем настроение. Да, девочки? Ну, Макс, улыбнись!

– Реально будешь тут задумчивый, когда у тебя папон мальчиков пердолит, – хмыкнул Радик.

– Учти еще – несовершеннолетних, – уточнил Кот.

– Беззащитных маленьких детей, – добавил Добрыня. – Ловит их у школы, заманивает в подвалы и там насилует, отрезает им пиписки и ест сырыми...

– Как хот-доги.

– Без горчицы.

– Правильное питание – залог здоровья.

Они захохотали.

Максим смотрел на приятелей, задаваясь вопросом, что заставляет его сидеть в потоках бесконечного словесного мусора и вяло улыбаться чужим и собственным натужным шуткам. Он вспомнил университет, Мексику, Юджина – приятеля-англичанина, который подбил его поехать в археологическую экспедицию. Они порядком надоели друг другу за эти три месяца, но все же сохранили границу взаимного уважения и внутреннего стыда.

В этот момент белокурая Таня резко поднялась со своего места и направилась к выходу.

– Эй, ты куда? – крикнула ей вслед Лиза.

– Ой, да пусть идет. Она вообще какая-то неадекватная, я еще в прошлый раз заметила, – заявила Китти.

– А у них в Твери все такие. У меня был один знакомый оттуда, тоже вот так постоянно: обидится непонятно на что, встанет и уйдет.

– Да просто на высокой планке девочка, что не ясно? Типа она актриса и певица, следующая остановка – Голливуд.

– А может, ровно в девять ее большие тыквы должны превратиться в сушеные груши?

Они громко засмеялись.

Максим тоже встал и пошел к дверям, услышав вслед:

– Похоже, это заразное...

Таня шла быстро, не оборачиваясь, и ему пришлось прибавить шаг, чтобы догнать ее у перекрестка.

– Давно мечтаю побывать в Твери, – сказал он, преграждая ей дорогу. – Это красивый город?

Крепко прижав к себе сумочку, она отпрянула, но, узнав его, попыталась обойти.

– Оставьте меня в покое! Я тороплюсь! Я все равно не собираюсь возвращаться, не теряйте зря время!..

Он пошел рядом с ней.

– Я тоже не хочу возвращаться. Давай просто погуляем. Вдвоем.

Она шагала, высоко подняв голову, глядя прямо перед собой.

– Сегодня отличная погода. У тебя красивый профиль. Нам обязательно идти так быстро?

Она немного сбавила шаг. Потом достала сигарету и закурила.

– Интересно, вам самим не надоело все это?

– Что именно? – поинтересовался он.

– Ну, все. Как вы живете. Вы почему-то уверены, что вы особенные, чем-то лучше остальных людей... А ведь на самом деле вы все – просто наглые папенькины сыночки. Сами по себе вы ничего не стоите. Без родительских денег и машин, без тепленьких местечек. Вы даже на хлеб себе не сможете заработать, если вас оставят без вечной опеки.

Ее лицо горело негодованием, и Максиму это почему-то ужасно нравилось.

– Может быть, найдем какое-нибудь спокойное место и обсудим этот непростой вопрос?

Она остановилась посреди улицы.

– Спасибо, я отлично знаю, чем заканчивается ваше «спокойное место»! Мне рассказывали, что было две недели назад.

– А мне не рассказывали. Я только вчера прилетел из Мексики.

Взглянув на него как внезапно разбуженный человек, она пожала плечами.

– И что? Твои друзья тебе еще не успели похвастаться? Как они танцовщиц из «Килиманджаро» завезли на дачу и издевались над ними два дня? Одной волосы обрили наголо... И так далее. А потом выкинули на трассе в пять часов утра. И им за это ничего не будет, потому что девчонки, конечно, в милицию не пошли...

Волосы у нее были нежного золотистого цвета, а тонкий пушок на щеках служил доказательством естественной природы этого золота.

– Хочешь, я прочту тебе стихи? – предложил Максим.

Она остановилась посреди тротуара.

– Ты как отзвук забытого гимна в моей темной и дикой судьбе... О, Кармен! Мне печально и дивно, что приснился мне сон о тебе.

Прохожие оборачивались на них, некоторые улыбались.

– А ты, оказывается, тот еще псих! – воскликнула она, тоже не сдержав улыбки. – Ладно, пойдем уж лучше в кафе, а то нас в обезьянник заберут. Только я сама за себя заплачу, ясно? И не воображай, что ты меня покори́л. Мне вообще нравятся взрослые мужчины, а двадцатилетних мальчиков я не люблю, у них мозгов нет.

Максим посмотрел в ее синие глаза и решил, что не слишком удачно выбрал стихотворение.

Глава четвертая. Нежная добыча

*Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедры питаемых там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне ж никогда не дает вздохнуть
Эрос...*

Ивик

Когда Георгий вошел в кабинет, Юра только закончил разминать предыдущего клиента. Тот сопел, прикрытый простыней, на другом столе. Георгий не смотрел в его сторону, но сосед окликнул:

– Георгий Максимович, не признаёте?

Георгий промолчал – Юра как раз занялся его грудным отделом. Но сосед не отставал.

– Вы потом куда, в косметический? А я на миостимуляцию, я вас подожду.

– Не затрудняйтесь, – прохрипел Георгий, сдавленный мощными руками.

Сосед возразил елеяно:

– Ну что вы, какое затруднение! Напротив. Отдохну, пока вас разделявают, самые приятные минуты.

Он приподнялся на локте и с настойчивым, даже непристойным интересом оглядел Георгия.

– Мне нравится, как тут у них все организовано. Чистенько, спокойно, и специалисты вежливые... но цены! Только изредка могу себе позволить. Средства стариковские, сами понимаете, а хочется побаловать себя.

Груша его оплывшего лица напоминала физиономии пузатых буддийских божков. Георгий, кажется, никогда не знал его имени, но тут вспомнил прозвище – Китаец.

– Как говорили латиняне, арс лонга – вита бревис. А сейчас столько возможностей вокруг, не то что в наше время. – Он снова подмигнул и пошевелил мизинцем. – В особенности для обеспеченного молодого человека вроде вас. Абсолютный простор фантазии. Многие теряют голову. Вы слышали уже про ужасную драму с Самойловым, директором хладокомбината? А этот журналист в Москве?.. Не дай бог!.. Я лично пользуюсь у одного проверенного человека. Подробнейший каталог, как в библиотеке, знаете ли. Очень удобно. Только по рекомендации, самый тщательный отбор. Погодите, чтобы не быть голословным, я захватил с десяток карточек... Получаю малую толику, не буду даже от вас скрывать.

Неприятный собеседник слез со стола и, придерживая простыню на своем обвислом животе, наклонился к Георгию.

– Между нами – есть совсем молоденькие. Впрочем, вы мужчина в расцвете, вам должны нравиться атлеты, двадцать два – двадцать четыре, классический тип. А, угадал?

Он ушел за занавеску. Массажист Юра, сорокалетний лысый здоровяк, по-девичьи захихикал, прикрывая зубы. Георгий тоже усмехнулся и крикнул:

– Любезный работорогвец, не трудитесь! Я не собираюсь покупать ваш товар.

Тот отозвался без тени смущения:

– А вот посмотрите, тогда и поговорим.

Он вышел из-за ширмы и, словно коробейник свой лоток, раскрыл перед Георгием белый кейс, набитый дисками, фотографиями, брошюрками.

– Вот, с вашего позволения, мой маленький цветничок...

Пока он перебирал фотографии, Георгий успел заметить в кейсе потрепанное издание стихов Кузмина и силиконовый фаллоимитатор.

– Смешно дураку, что нос на боку, – пробормотал старик в сторону смеющегося Юры. – А вот взгляните-ка? Разве не шедевр?

Юноша-мулат на фотографии в самом деле был хорош. Он лежал голый на светлом ворсистом ковре, и его рельефное тело переливалось, как серый жемчуг.

– Двадцать два года, фотомодель, спортсмен, танцовщик. Не волнуйтесь, он русский, что называется, дитя свободного слияния двух рас. Но темперамент не спрячешь, – показывая другие снимки юноши, нахваливал старик. – Работает не столько из-за денег, сколько ради удовольствия.

– Да вы поэт в своем роде, – заметил Георгий, поднимаясь и потягиваясь.

Китаец собрал фотографии.

– Вы очаровательно добры, мой дорогой, но я всего-навсего одинокий старик, которому приятно быть полезным молодежи. Одевайтесь, я вас провожу.

Задерживая штору, Георгий успел заметить, как он сунул в руку Юры свернутую бумажку, а тот спрятал руку в карман и снова засмеялся.

«А почему нет, – подумал Георгий в следующую минуту. – Что я, в конце концов, подсел на него, как кот на валерьянку... Клин клином вышибают, или как там говорят?»

Мулат ждал за столиком у входа в кафе. Георгий посигналил, он тут же поднялся и подошел к машине, улыбаясь. Георгий открыл перед ним дверь.

– Здравствуйте. Я Ромео, – неторопливо, рисуясь, он протянул руку для пожатия.

– Не буду тебя обнадеживать, я – не Джульетта, – ответил Георгий Максимович. – И вряд ли уже подойду на роль Меркуцио. Вот разве что отец Лоренцо...

– Давайте я вас так и буду называть – Лоренцо. Это красиво.

– Заедем куда-нибудь выпить, Ромео? – спросил Георгий, предлагая ему сигарету.

– Нет, спасибо, я не курю и не пью алкоголя. У меня вечером тренировка, – он выпятил и медленно облизнул полные губы. – Мой выбор – энергетические напитки.

– Ну, тогда не будем терять времени.

Георгий повез его в «Синюю лошадь» – закрытый клуб «для своих» на Крестовском острове с сауной, рестораном и «комнатами отдыха». Все же заказал в номер бутылку вина. Мулат тем временем достал из сумочки необходимые принадлежности, аккуратно уложил в лоток проигрывателя привезенный с собой диск. Расслабляющая этническая музыка, как и следовало ожидать.

– Роскошное место, я тут впервые. Какие будут пожелания?

– А что ты можешь предложить?

Он снова открыл свою сумочку и кокетливо позвенел наручниками, изнутри подклеенными мягким каучуком.

– Заманчиво, но давай на первый раз обойдемся без истязаний.

Его гладкое переливчатое тело растворялось в сумраке комнаты, вызывая переживания скорее эстетического, чем эротического характера. Но когда он лег на постель и позвал: «Я готов, Лоренцо», Георгий Максимович почувствовал себя героем гламурной порносессии и почти с энтузиазмом взялся за роль сурового и нежного мачо.

Deus nobis haec otia fecit. Бог нам досуги эти доставил.

Они закончили, и Георгий курил в постели, отчего-то не чувствуя удовлетворения, только странное недовольство собой, когда кто-то постучал в дверь. Мулат торопливо натянул брюки.

– Ты еще откуда? – изумился Георгий, обнаруживая в коридоре Маркова. Тот приложил палец к губам.

– Пусти меня скорей... Я тут с тестем, обедаю, еле вырвался под предлогом позвонить.

– Здесь обедаешь??

– А что такого? Ты знаешь, у меня тесть широких правил. А днем тут тихо и кормят хорошо... Видел из ресторана, как вы подъехали. Где ты выцепил эту шоколадку? Цып-цып, где ты, Несквик?

Ромео вышел на свет. Марков быстро скинул пиджак и начал расстегивать рубашку.

– Эй, эй! Ты же с тестем! – едва опомнился от его предприимчивости Георгий Максимович.

– Мы так не договаривались, – заявил мулат, вопросительно взглянув на Георгия. – За двоих – двойной тариф.

Марков вздохнул укоризненно.

– Что, жалко для друга куса наемной задницы?

– А тебе так приспичило?

– Да, приспичило! Меня вчера полдня имел управделами, сегодня в экспертизе, а сейчас я хочу отыметь этот рекламный постер. Я заслужил скромную минуту счастья?

– Так что с экспертизой? – спросил Георгий, отвлекаясь.

– Фельдман в отпуске, а без него там полный ахтунг. Сидят практикантки в бигудях, полпроекта потеряли. Но я им жабры продул. Слушай, меня тесть ждет!

Он стоял в уже расстегнутых штанах.

– Обслужи его. Я доплачу, – кивнул Георгий, оборачиваясь к Ромео.

– Двести евро в час, – заявил тот.

– О дает! – возмутился Марков. – Да нет уже таких расценок, Маугли! Звезды эстрады столько не берут. И сдался мне твой час, я за пять минут управлюсь.

– Не мои проблемы, – вскинулся парень. – У меня тариф, как в такси – за посадку.

– Да на, на, – Марков сунул ему деньги. Парень развернул мятые купюры.

– Э, тут мало!..

– Хватит, еще чего!

– Я добавлю, – пообещал Георгий, отхлебывая глоток остывшего на подоконнике отвратительного кофе.

Марков кивнул ему.

– Сочтемся. Дашь резинку? Присоединишься?..

– Нет, я пас. Угощайся.

– А чего, за такие-то бабки? Пристраивайся с другой стороны.

– Да иди ты на хуй, Саша, – отозвался Георгий, чувствуя внезапный прилив брезгливости и раздражения. – Скотство какое-то устраиваешь, ей-богу.

– Ой, – фыркнул тот. – Пансион благородных девиц. И давно ты стал такой моральный? С тех пор, как на малолеток потянуло?

Георгий ушел в ванную, встал под душ, но и оттуда ему было слышно, как Марков ухает филином, а юноша-мулат вторит ему на высокой ноте.

Потом Марков явился, размахивая трусами.

– Пусти, ополоснусь. – И, вытираясь, громко и фальшиво запел: – Чунга-чанга, места лучше не-ет... Ты в офис заедешь, мин херц? Может, пульку распишем вечеришком? Давно уже не сидели.

– Нет, – отозвался Георгий. – Я тоже встречаюсь с тестем.

– Ну тогда до связи. Пишите письма на деньгах и шлите переводы.

Мулат лежал в кровати и пил вино. Он посмотрел на Георгия с игриво-виноватой улыбкой.

– Веселый у вас друг.

– Да, веселый, – согласился Георгий. – Если быстро соберешься, подвезу тебя в центр. Тот деловито глянул на часы.

– О`кей, две минуты.

У него были визитные карточки с фотографиями, он дал Георгию две и попросил обращаться напрямую, без посредничества Китайца.

– Вы такой приятный, Лоренцо, для вас я всегда отменю другие заказы. А это для вашего друга.

Георгий высадил его у того же кафе, где забрал, а через пару кварталов, на светофоре, приоткрыл дверь машины и выбросил карточки в сток канализации.

Мать сама впустила его, поцеловала.

– Проходи, милый. Как ты?

– Вот, был сегодня в фитнес-центре, купил тебе целебный чай с горными травами. С Тибета.

Она взяла коробку.

– Прямые поставки из Шамбалы? Ну, пойдем попробуем.

Углы кухни тонули в сумерках (умбра и темно-коричневый, Рембрандт), а на столе уютно горела лампа. Свет словно сознательно выбрал несколько предметов, чтобы сосредоточить на них внимание зрителя, – книга, очки, шаль с крупно вывязанным узором.

– Хочешь, люстру включу, – предложила мать.

– Не нужно, так хорошо. Где Ксюша?

– Спит уже. Мы сегодня часа четыре гуляли, в саду и на Марсовом. Зашли на выставку. Я ничего, а ее сморило. Старость все-таки отнимает у человека несравнимо больше, чем дает. Самый гениальный старик, Лев Толстой или Гете, и то становился в тягость окружающим и самому себе. В Спарте совершенно правильно сбрасывали стариков в ущелье.

– Я тебе предлагал, давай новую домработницу подыщем, помоложе.

Мать включила чайник, достала чашки из буфета.

– А Ксюшу куда? Мы-то не в Спарте.

– С Ксюшей будете гулять, играть в карты, а экономку возьмем для домашней работы.

– Много тут домашней работы, у двух старух. Друг другу надоели, а еще будет какая-то молодая вертеться...

– Ну возьмем приходящую, на пару часов в день. Или, хочешь, буду к вам присылать свою *Франсуазу*. Пойду на такую жертву.

Она покачала головой.

– Не люблю я твою *Франсуазу*... Лстивая безграмотная баба. Доносчица. Все что-то высматривает, выпрашивает. Одно достоинство – готовит хорошо.

– Нина Ивановна – собрание разнообразных достоинств, – возразил Георгий.

– Тебе виднее. Но я бы ей не доверяла. Продаст за три серебреника.

Она распечатала упаковку, понюхала чай.

– Пахнет сушеной ромашкой. И сколько отдал?..

Он нагнулся, поцеловал ее влажный висок. Взял со стола книгу.

– Что ты читаешь? Пушкина?

– Да, Пушкина... Чудовищная вещь – «Станционный смотритель». Невозможно понять, каким образом из этой банальнейшей истории можно было сделать лестницу одновременно и в ад, и в небо. Такая правда, такая глубина... Метафизическая, хоть я и не люблю этого слова. А ты выпил.

– Выпил. Ужинал с бывшим тестем.

При упоминании о Павле мать сделала подчеркнуто равнодушное лицо.

– Ну и как он? Не женился еще на молодой?.. Да, я же тебе не рассказала новость. Мне звонила Вера, жена Эдуарда. Представляешь, он ушел из семьи, требует развод, чтобы расписаться со своей секретаршей.

– Ужасная катастрофа.

– Ну тебе-то смешно, а для нее действительно большое горе. Люди тридцать лет прожили вместе, вырастили детей, уже внуки пошли. Должна же быть какая-то ответственность... Ты помнишь Эдуарда Михайловича?

– Нет, – признался Георгий.

– Ну как же, они часто бывали у нас... Ты скажешь, что я ханжа, но я этого не понимаю. Ясно, что молодая девочка привлекательнее старухи и повод потщеславиться перед сверстниками. Но ведь никаких общих интересов, абсолютно другая система ценностей, иное представление о мире. Все мужчины заводят любовниц, мы произошли от обезьян. Но жениться? Чтобы она же смеялась, обирала тебя, презирала... Ведь не может же молодая женщина всерьез полюбить мужчину на тридцать лет старше себя.

– Не может? – спросил Георгий, вынимая сигареты и снова убирая в карман.

Мать посмотрела на него.

– Даже если может. Человек живет не ради удовлетворения своих прихотей. У мужчины должно быть достоинство. Представление о долге перед своей семьей, перед обществом. Это молодежи еще можно простить легкомыслие, а в зрелом возрасте мужчина должен взвешивать свои поступки... У тебя что-то случилось, Егор?

– Да нет, все в порядке, – улыбнулся Георгий, но тут же почувствовал, что ехал к ней именно за тем, чтобы рассказать. – На самом деле у Павла Сергеевича серьезные проблемы со здоровьем. Предстоит операция на сердце.

– Вот как... Это он тебе сказал?

– Да. Вот здесь у меня его распоряжения на случай, если пройдет неудачно.

Мать покосилась на портфель.

– Странно. Он, кажется, и простудой никогда не болел. И чем это может обернуться для тебя?

– Трудно сказать, я еще не думал об этом серьезно, – проговорил Георгий, зная, что кривит душой. – Будем надеяться, это и не понадобится.

Она достала из буфета чашки.

– А если все же?.. Ты тогда встанешь во главе компании?

– Всё не так просто. Как я понимаю, Павел этого не особенно хочет, для того и затеял эту реорганизацию. Потом, в бизнесе всегда есть конфликт интересов. Его компаньоны вряд ли поддержат мою кандидатуру, а наших сил может не хватить... В особенности, если Марьяна выйдет замуж за Антона Сирожа. Одним словом, я надеюсь, что все обойдется.

Мать посмотрела на него спокойно и внимательно.

– Как я поняла, для тебя было бы выгоднее самому жениться на Марьяне? И что об этом думает Павел?

Георгий включил вытяжку над плитой и все же закурил.

– Нет, это мы, конечно, не обсуждали.

Она разлила по чашкам дымящийся чай.

– Надеюсь, от твоей тибетской ромашки у нас не будет желудочных расстройств. Знаешь, я никогда не понимала, что тебя так привлекает в этой семье. Мы воспитывали тебя совсем в других правилах. Ну пусть Вероника – ты влюбился, женился по глупости, слишком рано. Потом родился Максим, потом он был маленький, нужно было зарабатывать. Но теперь-то ты уже не связан никакими обязательствами, не нуждаешься в их помощи, никак не зависишь... Разве что из-за Максима. Кстати, как он там?

– Хорошо. Обещал, что заедет к тебе на неделе. Работает в офисе, но что-то пока без особого энтузиазма. Павел выделил ему подразделение рекламы и маркетинга.

– Да, энтузиазм – это не его конек. А в детстве был очень на тебя похож, такой же интересный. Лет в пять-шесть. Я все думала, будет актером или журналистом. А стал... мальчик Кай. Как будто они его заморозили. Прости, что говорю как есть.

– Да, о болезни Павла пока никто не знает, – предупредил Георгий. – Все это большой секрет.

– Ну, хорошо, что Ксюша спит, а то этот большой секрет завтра обсуждали бы все старики Адмиралтейского района. К слову сказать, мне не нравится и твоя беспечность. Приехал подшофе, без водителя, без охраны...

– Прошу прощения, гражданин начальник.

– Может, тебе и в самом деле жениться? Ну конечно, не на Марьяне. Но неужели вокруг нет подходящих женщин? Знаешь, что говорят японцы? Удовольствиям молодости человек должен предаваться до двадцати пяти лет, до тридцати пяти – изучать науки, с тридцати пяти до пятидесяти накапливать богатства, а после удаляться на покой и посвящать свои помыслы спасению души... Все-таки лучше удаляться на покой вместе с близким человеком, а не как одинокий волк.

– Я поеду. Уже поздно, – проговорил Георгий и поднялся, обнял мать.

Она проводила его до двери, заставила застегнуть плащ.

– Ты помнишь, что в четверг у Ксюши день рождения? Поздравь, а то она обидится. Нины Ивановны твоей не надо, обойдемся. И звони мне, пожалуйста. Я сама не хочу – ты всегда занят... Только прошу тебя, Егор, будь осторожнее на дороге.

Георгий сел в машину и поехал по Фонтанке к Неве, повернул на Кутузовскую набережную. Со щемящим чувством думая о том, как мать возвращается одна в полутемную кухню, садится у лампы, раскрывает книгу... Затем он вспомнил Ромео и ощутил неприятный осадок на душе.

Дождь поливал озябший памятник на площади, пустую будку постового. Над серединой реки, на мосту, Георгий поймал себя на том, что уже ханжески рассуждает о системе ложных приоритетов, в которой поиск и потребление удовольствий становятся не средством, а смыслом. И о поколении вчерашних школьников, чей выбор – энергетические напитки, и каждый из которых готов без смущения выложить себя на прилавок и воткнуть ценник в пупок. Может быть, кроме таких, как Максим и его приятели, защищенных крепким родительским тылом.

Он снова подумал об Игоре, тоже почти с неприязнью, рожденной чувством вины.

Запеченный и поданный к столу в сметане, этот заяц все же удивительным образом сохранял достоинство. Он позволял Георгию изобретательно пользоваться всем своим телом, не убывая душой, не теряя первоначальной искренности и чистоты. Или, возможно, подделывал искренность так умело, как некоторые редкие люди подделывают обаяние.

Игорь не хотел денег, не врал, не торговался. Но Георгий все же отчего-то ждал подвоха и здесь. Слишком явно мальчик обнаруживал свое близкое знакомство с изнанкой жизни, с несправедливостью мира, которую принимал как установленный диагноз. И маленький бунт на диком пляже в Аликанте (выходка, которая могла закончиться большими неприятностями для всех присутствующих) служил подтверждением этих догадок.

Вода лилась по трубам, по каменным желобам фасадов, веером летела из-под колес. Уже подъезжая к дому, Георгий заметил нечто необычное в арке у главного подъезда и не поверил своим глазам. Игорь стоял под балконом, среди камней и воды, словно парковая скульптура. Открыв дверцу машины, Георгий Максимович крикнул:

– Зачем ты здесь? Что случилось?!

Мальчик забрался в салон, вытирая шарфом мокрое лицо.

– Ничего. Просто ждал тебя. Ты же обещал позвонить перед выходными.

С влажными волосами, с покрасневшим от холода носом, он казался таким счастливым, что Георгий не смог даже изобразить недовольство.

– А если бы я не приехал? Ты что, до утра бы так стоял?

– Нет. Подождал бы, пока дождь кончится.

В ванной, помогая ему снять мокрую одежду, Георгий решил, что все-таки должен сделать внушение.

– Больше чтобы этого не было, ясно? Являться без приглашения. Во-первых, ты наверняка схватишь простуду, а во-вторых, у меня важная встреча завтра в девять, я собирался выспаться. Наконец, я ведь мог приехать не один. Это тебе не приходило в голову?

Он начал натягивать обратно свою футболку.

– Извини-те... Я сейчас уйду.

Георгий взял его за плечи.

– Есть только одна вещь, за которую тебе можно простить твой ужасный характер: это твой чудесный запах. Почему ты пахнешь яблоками? Чтобы искушать меня, как беднягу Адама?

– Не знаю, – сказал он, снова улыбаясь. – Я зато знаю стихи.

– Какие стихи, маленькое яблочное чудовище?

– Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка... Со скамейки слезть не смог, потому что был без ног.

Георгию вдруг стало немного стыдно за свое чувство к нему – за жадное вожделение и почти отцовскую нежность. Он вспомнил разговор с матерью: Эдуард Михайлович, тридцать лет разницы, Марьяна, ответственность за свои поступки.

– Ладно, марш под душ, а то и в самом деле заболеешь. Вот полотенце. И потом сразу в постель. А я пока сделаю горячего чая.

– Чай с малиной, ночь с мужчиной? – промурлыкал он, перешагивая через бортик ванны.

– Малины не обещаю, – отозвался Георгий. – Зато мужчина в твоей полной власти.

Глава пятая. Марьяна

*Дитя слепого старца, Антигона,
Куда пришли мы, в град каких людей?*
Софокл

Решение отца о реструктуризации холдинга поразило Марьяну как своей неожиданностью, так и ничем не оправданной несвоевременностью. Она привыкла безоговорочно доверять отцовской интуиции во всем, что касалось бизнеса, но в этот раз впервые его авторитет готов был пошатнуться.

Высказать свои опасения вслух она не могла, зная, что отец никогда не признаёт своей неправоты и в ответ на критику только измучит ее гневным молчанием и недовольством. Вдобавок ее удерживала гордость – она привыкла к тому, что последние несколько лет любое важное решение отец в первую очередь обсуждал с ней, и теперь ее самолюбие было болезненно задето.

Поэтому воображаемые диалоги с отцом, которые она постоянно вела, приобретали все более напряженный тон. «Эта ошибка может обойтись нам очень дорого, – повторяла она, поливая цветы в оранжерее, которой уже много лет занималась сама. – Я чувствую – все пойдет совсем не так, как ты задумал, и кончится провалом. Прошу тебя, откажись от этой затеи. Оставим все как есть и просто будем работать еще больше. В конце концов, у меня тоже есть право голоса в компании, и я категорически против этого раздела, который ты затеял так внезапно, никого не информировав».

Октябрь выдался ясный и теплый, и деревья в парке стояли совсем зелеными, только клены нарядились в алые и желтые листья. На выходные отец пригласил Сирожей, Сергея Сергеевича с младшим сыном, и в довершение ко всем тревогам Марьяна снова ощущала неловкость своего положения несватанной невесты.

Антон Сирож, рыхлый полнеющий блондин, был на четыре года моложе ее, но уже успел развестись с первой женой (как объясняли – из-за того, что та не могла иметь детей). Считалось, что он ухаживает за Марьяной, хотя они встречались только на каких-то общественных мероприятиях или семейных праздниках, где едва говорили друг с другом. И в этот раз все шло по обычному сценарию. После ужина отец и Сергей Сергеевич поднялись в кабинет, а Антон уселся к камину, закурил сигару и погрузился в чтение журнала «Катера и яхты». Марьяна, любившая вставать и ложиться рано, ушла спать. К завтраку младший Сирож не вышел, появившись в гостиной только в одиннадцать, и сразу отправился с Максимом в гараж осматривать лодку и снегоход. Марьяне же пришлось показывать оранжерею неотвязчивому Сергею Сергеевичу, который к месту и не к месту сыпал простонародными пословицами.

Когда к полудню приехал Георгий, раздражающе изысканный в своем светлом льняном костюме, в серых замшевых туфлях, Марьяна поймала себя на том, что и рада, и не рада его появлению.

Ей совсем не хотелось разбираться в природе того почти неприязненного беспокойства, которое с недавних пор вызывал в ней Георгий. Она предпочитала принять первое лежащее на поверхности объяснение этому чувству: муж покойной сестры вдруг занял главное место среди доверенных лиц отца, оттеснив ее, Марьяну, от трона. Она предполагала, что здесь зреет какая-то интрига, направленная против нее, и не могла скрыть обиды. Но за чашкой травяного чая на освещенной солнцем веранде, оглядывая украдкой Георгия – костюм, шелковый галстук, туфли, плотно и мягко облегающие ногу, – она вдруг осознала, что мучается ревностью к той тайной посторонней силе, из-за которой он уже несколько недель излучал молодое сияющее самодовольство.

Она уже знала, что в Испании Георгий принимал «своих» гостей – компанию представителей чиновничества и бизнеса, объединенных общим пороком, о котором не принято было распространяться вслух. Она знала также, что многие из этих людей женаты, имеют детей и вполне ловко маскируют свои пристрастия, тогда как другие открыто бравируют отклонениями от нормы. То, что Георгий являлся активным членом этого сообщества, было принято объяснять интересами бизнеса, который не разбирает запаха денег. Но Марьяна уже давно не верила этому объяснению, хотя не могла до конца поверить и в то, что Измайлов принадлежит к породе тех неполноценных мужчин, которых влечет к другим мужчинам.

– Почему нам не поиграть в теннис пара на пару? – предложил отец перед обедом. – Марьяна с Антоном, а мы с тобой, Георгий.

– Я готов, – ответил Измайлов и улыбнулся так, словно получил давно оставленный без движения долг.

Марьяна кивнула, хотя ей не особенно улыбалось играть с Антоном, который только что долго и скучно рассказывал о своей поездке на автомобильный завод «Феррари». Каким-то загадочным образом младший Сирож унаследовал все недостатки, но не получил ни одного достоинства своего отца, и это, пожалуй, было единственным необычным свойством его личности.

– Отличная идея, – согласилась она. – По крайней мере за игрой нельзя курить сигары.

– Почему нельзя? – спросил Антон, глядя сквозь нее невидящим взглядом, и она едва сдержалась, чтобы не ответить грубостью на грубость.

Переодевшись в спортивные брюки и джемпер, Марьяна первая вышла к корту. Какое-то время она стояла, наблюдая, как горничная длинными граблями очищала покрытие от листьев, занесенных из парка, – эта молчаливая девушка вызывала у нее возрастающее с каждым днем чувство гадливости. И не только из-за отца, который уже не скрывал своего особого отношения к ней, но еще и потому, что Марьяна интуитивно чувствовала: за миленьким свежим лицом, под льяными кудряшками в небольшой черепной коробке разрабатывается некий захватнический план. Конечно, ни на минуту невозможно было предположить, что отец женится на прислуге, но он был достаточно своенравен, чтобы как-то по-другому возвысить ее. Марьяна читала эту надежду в ее невинных, всегда опущенных глазах.

Когда появились мужчины с ракетками в руках, Марьяна со смутным волнением отметила, что Георгий, самый высокий и лучше всех из них сложенный, выглядит элегантно даже в свитере и шортах. Все это – белоснежный свитер, солнечные очки известной марки, безупречный маникюр – снова напомнили ей о ее подозрениях, и только усилием воли она заставила себя не продолжать эту неприятную мысль.

Словно в благодарность, Георгий подмигнул ей.

– Сейчас мы вас разделаем под орех.

– Еще посмотрим, кто кого, – заставила себя улыбнуться в ответ Марьяна и потрясла ракеткой в воздухе, как воительница копьем.

Антон играл из рук вон слабо, и первый сет с разгромным счетом взяли отец и Георгий. Но во втором, подхлестываемая злым азартом, Марьяна сумела перехватить инициативу. Она как раз собиралась подавать третий мяч, когда Георгий вдруг развернулся у сетки и начал хлопать себя ракеткой по спине.

– Что случилось?

– У нас тут рядом пасека, у соседей, – проговорил отец.

– А, черт! Забралась за шиворот и тяпнула.

Не думая о том, что ее поспешность может показаться неприличной, Марьяна подбежала к нему.

– Если это пчела, нужно вынуть жало.

– Ты не посмотришь?

Свободным движением он снял через голову свитер, обнажив торс, и Марьяну бросило в краску от его такой близкой, непристойной наготы и вместе с тем от обиды, что он вот так просто разоблачился перед ней, как перед сиделкой или врачом. Она растерянно смотрела на его широкую мускулистую спину, загорелую и влажную, с двумя родинками и намечающимися складками у поясницы, слышала запах его одеколона и свежего пота и чувствовала, как ее руки и губы начинают дрожать.

– Что там? – спросил он, оборачиваясь через плечо.

– Да, тут жало. Нужно вынуть, – ответила она, стараясь не выдать своего смятения. – И продезинфицировать рану...

– До свадьбы заживет, – произнес рядом с ними старший Сирож, подошедший к сетке. Марьяне в его голосе послышалась насмешка, и она отдернула руку, которой касалась спины Георгия.

– Ну всё, застряли, – поторопил отец. – И правда будем ждать до свадьбы?

Георгий надел свитер.

– Прошу прощения у всех. Ничего страшного, пчелиный яд полезен. – Затем он вдруг нагнулся к Марьяне и заговорщицки подмигнул: – Спасибо, сестра. Есть мнение, что грамотно зафиксированный пациент в наркозе не нуждается.

Марьяна вернулась на свою половину поля, ощущая на себе пристальные взгляды отца и старшего Сирожа, чувствуя стыд, растерянность и злость. В тот миг, когда Измайлов склонился к ней, ей и вправду показалось, что он хочет сказать что-то важное, сделать признание, на которое долго не мог решиться. Но он просто дразнил ее, как школьная красавица дразнит кавалера, к молчаливому обожанию которого давно привыкла.

После неудачной подачи Антона Сирожа стало ясно, что партия будет проиграна, и Марьяне стоило больших усилий не бросить игру до конца. Она не ушла с корта только потому, что не хотела давать Георгию еще один повод для самоуверенной улыбки.

Вечером в своей комнате, снимая серьги и протирая лицо лосьоном, Марьяна продолжала обдумывать происшествие на корте. Закрыв глаза, она представляла, как Георгий стаскивает через голову свитер, снова видела его мощные плечи, густую шерсть на груди и темную дорожку, тянущуюся от пупка вниз, за резинку шорт. Потом она посмотрела на себя в зеркало и тихо, с нажимом произнесла:

– Если хочешь стать всеобщим посмешищем, продолжай в том же духе. Ты неудачница, старая дева, сухая палка. Не воображай себя яблонькой в цвету.

Но все ее существо вдруг возразило этим привычным мыслям – в зеркале она видела молоджавую, подтянутую и по-своему привлекательную женщину, которой просто не слишком везло в личной жизни. И если бы она знала, как это можно изменить, она бы многое отдала за этот секрет.

Светлана, оплачиваемый личный психолог, заодно выполнявшая функции близкой подруги, была довольно подробно посвящена в семейные дела Козыревых. Но, хотя личные отношения она всегда обсуждала с большим энтузиазмом, чем проблемы в бизнесе, Марьяна не спешила рассказывать ей про отца с горничной и тем более про новый натиск неодолимого чувства к человеку, который был к ней так давно и безнадежно безразличен. Поэтому в среду вечером, когда Марьяна прилегла на софу в офисе Светы и закрыла глаза, разговор пошел о делах.

– Я уже говорила тебе, что отец инициировал реорганизацию холдинга. На первый взгляд, эти изменения должны затронуть только сферу администрирования – те же люди на своих местах ведут свои проекты, только у них больше полномочий в рамках новых структур и как бы увеличивается мотивация за счет участия в прибыли. Но я уже вижу, к чему это приведет. Как только отец потеряет ключевой контроль над отдельными направлениями, внутри начнут

разрастаться конфликты. Каждый будет тянуть одеяло на себя. Люди захотят принимать единоличные решения, а это всегда чревато ошибками. И если какое-то одно направление провалится, пострадает вся структура.

– Ты говорила о своих опасениях отцу? – спросила Света.

– Нет, он не станет меня слушать. Уверена, когда-нибудь он поймет, что я была права, но будет уже невозможно ничего исправить. – Неожиданно для себя Марьяна добавила: – Я чувствую, будто почва уходит из-под ног.

– Как будто что-то отнимают? – подсказала Света.

– Мы строили этот бизнес многие годы. Пусть не все было идеально, но мы развивались, выполняли обязательства перед партнерами, получали всё более крупные заказы. А теперь я не знаю, что будет завтра. Наверное, даже боюсь.

– То есть волнуешься, что не сможешь сама, без отца, справиться с ответственностью?

– Нет, за себя я спокойна, – возразила Марьяна, привстав. – Я привыкла работать по двадцать четыре часа в сутки, я опытный руководитель, знаю, как замотивировать людей на полную самоотдачу.

– Значит, ты опасаясь, что к управлению придут люди, которые, в отличие от тебя, не смогут принимать правильные решения?

– Да. И тогда ни я, ни отец уже не сможем повлиять на ситуацию. У нас не будет механизмов контроля.

Наливая в тонкие чашки ромашковый чай, Света заглянула ей в лицо своими большими, по-детски ясными светлыми глазами:

– Может быть, твои опасения преждевременны? Давай предположим, что отец принял это решение не из упрямства и не под влиянием эмоций, а вполне взвешенно. Возможно, ты просто не все знаешь о его мотивах, поэтому тебе трудно их понять. Но ведь у него есть профессиональные помощники и консультанты, они бы не позволили ему рисковать без причины. Не забывай и о том, что остальные акционеры, как и ты, заинтересованы, чтобы компания и дальше работала успешно. От этого зависят их доходы. Никто не будет пилить сук, на котором сидит.

Марьяна хотела возразить, но Света остановила ее мягким жестом.

– Подожди, попробуй выслушать меня до конца. Как я поняла, Павел Сергеевич хочет, чтобы вы учились руководить своими направлениями самостоятельно, именно для этого он постепенно снижает уровень контроля. Конечно, у Максима еще недостаточно опыта, но ведь вы все сможете помочь ему и предостеречь от ошибок. Что же касается Георгия, то он состоятельный бизнесмен. До настоящего момента он вполне успешно взаимодействовал с твоим отцом на правах равного партнера. Почему же сейчас это должно измениться? Откуда это недоверие к нему?

– Он никогда не был для отца равным партнером, – произнесла Марьяна, чувствуя, что Света сознательно или невольно затронула самый слабый узел в цепи ее рассуждений.

– Хорошо, пусть так. Ваша семья много сделала для него, помогла встать на ноги и реализовать свои возможности. Но ведь он уже давно имеет свой независимый бизнес и, если бы захотел, мог выйти из семейного дела, объединившись с кем-то другим. Раз он не сделал этого, значит, для него тоже важны эти связи. К тому же Максим – пока его единственный наследник. Поэтому он так же, как и ты, заинтересован в процветании бизнеса, который когда-нибудь перейдет в руки его сына.

Марьяна, которую покорило это, как ей показалось, лишнее словечко «пока», проговорила:

– Георгий приезжал к нам на эти выходные.

– Вы обсуждали с ним реорганизацию?

– Нет, просто играли в теннис. Но он, кажется, доволен происходящим. Очень весел, постоянно шутит, из Москвы привез всем секретаршам и для бухгалтерии целый пакет шоколадных зайцев. Максим утверждает, что у него какой-то бурный роман.

– Это легко проверить, – улыбнулась Светлана.

Марьяна подняла бровь.

– Конечно же, я не буду этого делать. Я даже не хочу знать того, что знает Максим.

– Тогда зачем об этом говорить?

– Может быть, мне просто неприятны счастливые люди, – призналась Марьяна после паузы. – Возможно, оттого что я сама давно не ощущала ничего подобного.

– Значит, ты не счастлива? – спросила Света.

– Да. Но я уже привыкла. Мне спокойнее так.

Марьяна отдала ей пустую чашку и поднялась.

– У нас еще пятнадцать минут, – остановила ее Света.

– Пятнадцать минут ничего не изменят.

– А что бы ты хотела изменить?

Марьяна отошла к окну и, повинуясь странной жажде к откровенности, которая владела ей сегодня, призналась:

– Знаешь, я иногда немного завидую тебе. Ты воплощенная женственность, у тебя счастливый брак, уютный небольшой мирок. Дети. Я не очень люблю детей и уже не хочу их иметь, но я всегда восхищалась женщинами, у которых есть эта предрасположенность к созданию семейного очага. Я-то, видимо, так и останусь старой девой. Вернее, старым холостяком. Какой муж будет терпеть жену-трудоголика? А я не могу жить без работы, скучаю по воскресеньям, когда не знаю, чем себя занять... Мы оперируем большими объемами, хотя деньги для меня не цель. Мне просто нравится дело, за которое я отвечаю. Но иногда я думаю, как было бы хорошо, если бы я могла довольствоваться скромным, непритязательным счастьем рядом с близким человеком. Даже если он только позволяет себя любить...

– Что же тебе мешает осуществить эту мечту? – приближаясь к ней и снова улыбаясь, обнаруживая пикантные ямочки на щеках, спросила Света.

– Да именно то, что я не могу довольствоваться малым. *Мне нужно всё или ничего.*

Марьяна взяла с вешалки свое пальто, надела перчатки.

– И все же я не понимаю, почему ты сразу выбрала второе, – продолжая улыбаться, сказала Света. – Может, прежде чем сдаваться, стоит хотя бы попробовать получить это *всё*?

Уже выйдя из кабинета подруги, Марьяна вдруг поняла, что Света невольно перевела в словесную форму мысль, в которой сама она не решалась себе признаться. Но в этой идее таился такой неподобающий соблазн, что Марьяна тут же пообещала себе, что больше никогда не станет думать об этом всерьез.

Глава шестая. Симпосий

Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, высшая справедливость; по этой причине они и зовут нашу Вселенную «космосом», а не «беспорядком», друг мой, и не «бесчинством».

Платон

Постепенно приспосабливаясь к переменам в своей жизни, Максим вспоминал два года учебы в Англии уже почти без сожаления и без ностальгии. Он словно поставил на полку книгу, которую ни к чему больше открывать, и даже не отвечал бывшим приятелям по университету, которые сообщали о своих новостях. При этом «вхождение в семейный бизнес», вопреки ожиданиям, оказалось скорее занимательной процедурой. Теперь каждый день приносил ему богатую пищу для исследования чужих и собственных пороков – той заповедной области человеческой природы, которая сохранилась в первозданном виде от начала времен.

С Таней, пышущей провинциальным здоровьем и жизнелюбием, он начал встречаться из того же анатомического любопытства к чужой душе. Он знал, что неизбежно заскучает и над этой книгой, но пока с ней было приятно. Она располагала к доверию, и это был непривычный опыт в его общении с женщинами.

В пятницу они встретились после работы и поехали в ночной клуб, куда она почему-то давно стремилась попасть. Таня заражала его своей энергией, бесперебойно поступающей из какого-то неизвестного источника, и поначалу все шло как нельзя лучше. Но к десяти часам небольшой зал так плотно заполнился посетителями, что стало уже нечем дышать, *не было моря, земли и над всем распростертого неба, – лик был природы един на всей широте мироздания, – хаосом звали его*, диджея сменил на эстраде модный герл-бэнд, и Максим предложил ей перебраться на второй этаж, в ресторан.

Румяная, возбужденная, в окружении крахмальных салфеток, свечей и сверкающих бокалов она выглядела чрезвычайно эффектно. Русская разведчица *Tatiana*, роковая блондинка из фильмов про Джеймса Бонда.

В ожидании официанта они продолжили начатый в машине спор. Максим говорил:

– Дело в том, что только мы, богатые бездельники, способствуем движению прогресса. В человеческом сообществе именно праздный класс хранит и транслирует весь комплекс знаний и навыков, называемых культурой. В конечном итоге только эти знания ведут к развитию цивилизации и к улучшению нравов.

– Ничего подобного – культуру создают не бездельники, а работающие люди. Писатели, художники, актеры...

– Художники не ходят в театр, писатели, за редким исключением, не покупают живопись, актеры не читают книг. Все это всегда делала аристократия, у которой был избыток досуга и средств для отвлеченных занятий.

– Это какая-то антигуманная теория... А остальные люди? Если у них нет досуга и денег, они что, не могут интересоваться искусством?

– Зачем им искусство? У них есть футбол. И массовая культура для повседневного потребления. Пусть довольствуются попкорном. Чтобы разбираться во вкусе устриц и икры, нужно привыкать к ним с детства.

– По-твоему, все определяется социальным статусом?

– Это закон природы. Люди рождаются неравными. А для неравных равное стало бы неравным, как говорил Платон.

– Да, я согласна, что люди неравны, но только потому, что один человек может быть талантливее и умнее другого. Вот художник имеет право называться аристократом, потому что он творец... Но и умение понимать искусство – это тоже особый дар, который выделяет человека из толпы. Я плохо объясняю, но вот Гриша – я тебе говорила, мой знакомый режиссер, – он очень начитанный и очень интересно об этом обо всем рассуждает.

Глядя поверх ее плеча, Максим вдруг увидел, как в зал входит отец. Оживленно улыбаясь, он о чем-то расспрашивал лысоватого метрдотеля. За отцом следовал парень в наглухо застегнутой куртке, которого Максим сначала принял за служащего ресторана, но, разглядев внимательнее, понял, что ошибся.

– Гриша говорит, что суть искусства именно в том, чтобы не служить никаким практическим целям, – продолжала тем временем Таня. – Его цель, как и у религии, – истина, благодать и красота. Объект искусства не поддается рациональной оценке, у него нет практического назначения... Ты меня слышишь?

– У всякого объекта есть практическое назначение, – возразил Максим. – Все сущее существует для того, чтобы быть потребленным.

– Это *ты* рассуждаешь как потребитель. Ты прекрасно иллюстрируешь теорию о двух человеческих типах – потребителе и творце.

Отец был в сером костюме с розовым отливом. На его руке поблескивало кольцо, на разгоряченном лице блестели глаза. Его высокий стройный спутник держался позади, в тени, не поднимая век. Но лицо, удивлявшее почти классической гармонией черт, невольно удерживало взгляд.

– Конечно, я потребитель, – проговорил Максим рассеянно. – Из двух вариантов – сидеть за столом с вилкой в руке или лежать на столе на тарелке – я выбираю первый.

Процессия во главе с метрдотелем двигалась прямо на них, видимо, к соседнему столику. Отец наконец заметил Максима и издал короткое восклицание, одновременно выразившее растерянность, радость и досаду.

– Здравствуй, милый. Вот не ожидал!

Отец поцеловал его в щеку, обдавая горячим дыханием, налитым ароматом коньяка. Вблизи Максим разглядел его слегка набрякшие веки, синеву вокруг глаз, узор из розовых рыб и раковин на его галстуке.

– И я не ожидал, папа.

Пытаясь скрыть смущение за насмешкой, тот отделался цитатой:

– «Приговоренный по ночам скитаться дух твоего отца...»

– Познакомься, – представил Максим. – Георгий Максимович Измайлов, мой отец. А это Таня.

Отец выразил одобрение, быстро подняв брови.

– Очень приятно. Вы давно здесь?..

– Нет, тоже только вошли. Еще не успели заказать. Мы были внизу, в клубе.

– А мы из подпольного казино. И я в выигрыше. Это Игорь.

Максим понимал, что, пожелай даже, он вряд ли смог бы поставить отца в столь же двусмысленное положение, в каком тот оказался волей случая. Но юноша стоял, не выказывая ни смущения, ни любопытства. Максим снова отметил – хороший рост, спортивная фигура, красивое лицо с припухшими от ночных бдений веками. Образцовый экземпляр на продажу.

– Так сядем вместе? – вынужден был предложить отец, прерывая паузу. – Мы вас не стесним?

– Что вы, совсем наоборот! – с жаром воскликнула Татьяна.

Отец кивнул метрдотелю.

– Спасибо, мы останемся. А Сергей Дмитриевич здесь?

– Будет попозже. Мы новый ресторан открываем на Старом Невском...

Отец сел напротив Тани, развернул меню. Она тоже схватила меню и разложила на столе, как школьница учебник. Максим через стол прямо посмотрел в глаза отцовскому Ганимеду, и тот ответил почти с вызовом, но все же через секунду отвел глаза и тоже взялся за изучение списка блюд. Максим подумал: не тот ли это предприимчивый имярек, который «сработал по-умному и пошел без разговоров»?

– Галантир из зайца, креветки норвежские, морской язык, – предлагал отцу пожилой официант, приглядываясь к Максиму. – На горячее можно подать судачка «Орли»... А из мясного попробуйте медальоны в вине.

– А устрицы свежие?

– Устрицы закончились, но есть мидии королевские, запеченные на гриле. И обратите внимание – мы обновили карту вин.

– Да, давайте сразу решим вопрос с вином, – обратился ко всем ним отец. – Есть какие-нибудь пожелания?

– Вино, конечно, на твой вкус, папа.

– Я смотрю, у вас появился приличный портвейн. Если никто не возражает, в такую погоду...

– Портвейн? – как эхо выдохнула Таня.

Отец остановил на ней взгляд.

– Конечно, Танечка, последнее слово за вами. Хотя вот что – мы с Игорем выпьем портвейна, а вы тогда выбирайте.

– Нет, я тоже как все, – она мотнула головой. – Я люблю джин с тоником, но за едой его не пьют.

– И я выпью портвейна, папа, – кивнул Максим. – Не страшно, что после двух абсентов? Не станем зелеными, как старушки Пикассо?

– Тогда на горячее я бы посоветовал перепелку по-венециански, – подсказал официант. – Там две перепелочки и оригинальный соус.

– Попробуем перепелок?

– Ой, да, – кивнула Таня. – Я даже никогда их не ела.

– Так вы были в клубе? – спросил отец, когда официант отошел с заказом. – И что там?

– Очень весело, – краснея, ответила Таня. – Мы танцевали. Правда, стало немножко душно... Но мне нравится, когда много народу, такой карнавал. Я люблю танцевать. Хотя вкусно покушать тоже люблю, а здесь очень красиво.

– Здесь неплохая кухня и приятная живая музыка.

– Да, играют выразительно. Особенно саксофон, такой мягкий, не форсирует. Даже на латинских вещах.

Отец снова поднял брови.

– Вам нравится джаз?

– Да, конечно, – она тряхнула волосами. – Я выступаю с джазовой программой. Я певица.

– Как приятно. Что вы исполняете?

– Ну, в основном стандарт... Коктейль-джаз, классика – Армстронг, песни из фильмов... все популярные вещи. Вообще-то, у меня два образования – музыкальное и актерское. Я закончила сначала музучилище, а потом театральное.

Отец, по-видимому, произвел на Таню впечатление, и, справившись с робостью, она ударилась в кокетство. Максим решил вмешаться.

– И много ты выиграл в казино, папа?

– Не то чтобы много, но странность в том...

Принесли и подали портвейн, отец попробовал, взглянул на пробку, сделал знак официанту разливать.

– Странность в том, что мне как-то в последнее время катастрофически везет. Постоянно выигрываю, даже на бильярде. От этого немного не по себе.

Таня заворуженно следила за его манипуляциями, как неофит за ходом священных обрядов. Он поднял рюмку.

– Ну что ж, за знакомство... очень приятное для меня.

Таня выпила до дна и воскликнула:

– Как вкусно! Я всегда думала, что портвейн такая гадость...

Юноша, который только поднес рюмку к красиво изогнутым губам, насмешливо фыркнул.

– Кстати, вот Игорь отчасти ваш коллега, Танечка. Тоже имеет отношение к актерскому цеху. Он у нас модель.

– Правда? – обрадовалась та. – У меня много подруг моделей. Они в «Альмагесте» работают, который недавно открылся. Макс, ты же тоже их знаешь... Ой, я вспомнила, они же про вас рассказывали, Георгий Максимович! Вы там директор!

Отец посмотрел на нее с терпеливым недоумением, как смотрят на плохо воспитанного ребенка.

– Ой, я глупость сказала, извините... У меня просто в голове все перепуталось. Ну да, конечно, вы же директор какой-то строительной компании!.. Вы, наверное, думаете, что я ужасная дурочка...

Она замолчала, бросив на Максима умоляющий взгляд. Тот пришел на выручку.

– Знаешь, папа, как раз перед твоим появлением мы вели довольно любопытный спор. О том, в какой степени искусство является продуктом потребления и должен ли художник учитывать мнение публики, либо же его задача – целиком сосредоточиться на творческом процессе? Что ты думаешь по этому поводу?

Отец с радостью переменил предмет разговора.

– Думаю, возможен и тот и другой вариант. История показывает, что создавать шедевры удавалось как вполне успешным, ангажированным авторам, так и реформаторам, не оцененным при жизни. Каждый художник ищет собственный язык, кто-то – через продолжение традиции, кто-то через ее слом.

– На самом деле мы говорили не совсем об этом, – возразила Таня. – Максим сказал, что искусство является предметом потребления, как и все остальные вещи в мире.

– Любое сущее существует для того, чтобы быть потребленным, – поправил Максим. – И сказал это не я, а Ролан Барт, кажется...

– И еще ты сказал, что культуру передает и сохраняет праздный класс, то есть люди, которые живут за счет труда других.

– В этом тоже есть смысл, – заметил отец. – Но сегодня это правило работает только для «большой культуры». Массы заказывают свою музыку.

– Мы как раз говорили не о массовой культуре, а о настоящем искусстве.

– Вы можете твердо определить границу между ними?

– Границу между ними определяют правила красоты и гармонии.

Отец посмотрел на нее и улыбнулся.

– Красота не считается ни с какими правилами... Это ее главная привилегия.

Таня порозовела и опустила глаза, видимо, приняв комплимент на свой счет.

– Я теперь понимаю, откуда у Максима такая эрудиция и ум. Это вы ему передали свое блестящее образование!

– У папы гораздо более блестящее образование, чем у меня, – возразил Максим, чувствуя, как в груди, где-то под ложечкой, собирается ревнивая злость. – Он учился в Сорбонне, а я всего лишь в Манчестерском университете.

– Обжегшись на молоке, дуешь на воду, – пожал плечами отец.

– Обжегшись на молоке, дорогого сына посадили на хлеб и воду.
– Ну, не я это решал.
– Это правда? – воскликнула Таня. – Вы учились в Сорбонне?
– Слушал лекции, всего один семестр. Потом я встретил маму Максима, и учебу пришлось забросить.

Глаза Татьяны мечтательно затуманились.

– Наверное, это было очень трудно в то время, еще при советской власти, попасть во Францию?

Отец кивнул отменно вежливо.

– Да, мне повезло. Фантастический случай, какой-то студенческий обмен на волне перестройки. Там был внук секретаря ЦК, племянник министра обороны. И меня в последний момент включили в группу. Правда, я был отличник, медалист, комсомольский выдвиженец. Активный, политически грамотный. Со мной провели беседу в горкоме комсомола... Впрочем, это давняя и не такая занимательная история.

Он обмакнул улитку в соус и отправил в рот.

– Нет, это очень интересно, – горячо возразила Таня. – Это же должно было совсем изменить ваши представления! Оказаться во Франции в годы железного занавеса, когда тут были запрещены самые обычные вещи... Вас же, наверное, там поразило абсолютно все! Я ни разу не была за границей, но я могу представить. Вам же, наверное, уже не захотелось возвращаться?

– А правда, папа, почему тогда ты не остался во Франции? – поддержал тему Максим, которому очень многое представлялось неясным в этой парижской одиссее отца. – Бабушка как-то намекала, что ты мог там отлично устроиться – жениться и все такое.

Отец продолжал изображать терпеливого и заботливого родителя при несносном избалованном недоросле.

– На это были свои причины. Я не мог бросить родных. Тогда казалось, что это безвозвратно. Потом, мне было двадцать лет. Человеку часто требуется немало времени, чтобы разобраться в себе.

– Ну допустим... А когда ты уже разобрался? – Выдерживая пристальный взгляд отца, Максим откинулся на стуле. – Я имею в виду, когда вы уже разошлись с матерью и все границы открылись... Почему ты тогда не уехал насовсем?

– Потому что как раз тогда в России появились большие возможности заработать.

– То есть – из-за денег?

– Именно.

– Но ведь деньги – не главное, – уже не так уверенно проговорила Таня. – Есть вещи, которые не купишь за деньги, – любовь, дружба... счастье...

– Не знаю, – пожал плечами отец. – Принято считать, что это так.

– А вы так не считаете?

Максим вдруг заметил, что отцовский приятель, к которому уже привыкли, как к предмету интерьера, тоже внимательно прислушивается к разговору.

– То есть мы вернулись к поискам смысла жизни?

– А что *вы* думаете о смысле жизни? – спросила Таня.

Отец невольно рассмеялся.

– Но это так важно! – горячо воскликнула она. – Это такой вопрос... Человек должен об этом задумываться! Хотя, я согласна, звучит смешно... Вот я считаю, что люди живут для творчества, для духовного созидания. Мне просто не с кем поговорить об этом, я даже раньше думала, что у нас нету культурных, по-настоящему тонких и духовных людей, пока не узнала Максима. Потому что он очень начитанный, и я все время чувствую с ним пробелы своего образования, хотя раньше я просто задирала нос... А теперь понимаю, что это вы сыграли

такую роль в его воспитании. Нет, я вас не превозношу! Но это же сразу понятно, что вы исключительный человек, по вашим манерам и по всему!..

Он прервал ее жестом, продолжая смеяться.

– Танечка, остановитесь, пожалуйста... Я хочу выпить за вас, вашу красоту и очарование.

За твой вкус, Максим.

– И за твой, папа.

Отцовский педик вскинул на Максима прозрачные глаза, изумрудно-зеленые, как вода в глубоком бассейне.

– Я про портвейн, – пояснил Максим.

В следующую минуту с двух сторон к столу подступили официанты. Юноша поднес сигарету к губам, и отец открыл зажигалку, дал ему прикурить, словно женщине, привычным жестом.

За мельканием рук официантов, переменявших блюда, за звоном тарелок и ножей пламя зажигалки так ярко осветило их обращенные друг к другу лица, как если бы над их головами пролился дождь из серы и огня. И Максим вдруг подумал, что отношения этих двоих должны быть глубже и сложнее, чем могло показаться на первый взгляд.

– Я понимаю, что меня, конечно, тут все посчитали занудой и синим чулком, – заявила Таня, обмахивая разгоряченное лицо салфеткой. – Но я больше не буду говорить на серьезные темы. Начну болтать разные пустяки, как положено блондинке... У меня как раз есть история про портвейн. Когда я поступала в училище, мы на собеседовании должны были читать басню и отрывок, а я вышла и так растерялась... А в приемной комиссии были почему-то одни мужчины, то есть преподаватели, как вы сейчас. И тоже все смотрят на меня и вдруг спрашивают: назовите, какие вы знаете сорта портвейна? Я что-то там пролепетала: «Три семерки», кажется... А самый старенький педагог, Владимир Самойлович, он у нас потом вел сценическую речь, говорит: «Девочка, а какой у тебя размер бюстгалтера?» А у меня уже тогда был четвертый... Я ответила, и они меня сразупустили. Думаю – всё, завалилась! А потом выходят и объявляют: принята. Я до сих пор не знаю, что они – поспорили между собой или хотели пошутить... И на самом деле портвейн – прелесть!

– А сейчас у тебя какой размер? – неожиданно спросил отцовский Ганимед.

Максим с интересом ждал момента, когда эта Олимпия раскроет рот.

– А у *тебя*? – с внезапной находчивостью парировала Таня.

– Хочешь померить?

– Игорь! – деланно изумился отец.

Тот захлопал ресницами.

– А что такого? Я тоже про смысл жизни.

– У кого в чем, – Таня передразнила юношу, похоже моргая глазами исподлобья.

Отвечая ей улыбкой, он приподнял и опустил плечи.

– Кстати, а почему бы нам не вернуться к нашей плодотворной дискуссии? – предложил Максим. – Для Тани смысл жизни – в творчестве, для твоего друга – в размере, а для тебя, папа?

– Боюсь, не закончится ли эта плодотворная дискуссия тем, что мне придется вас троих выносить отсюда на плечах?

– А мы больше не будем пить, – решила Таня. – Мы будем танцевать. Я так люблю эту мелодию! Георгий Максимович! Можно мне вас пригласить?

Отец галантно извинился.

– Простите, Танечка, я уже забыл, как это делается. Вот Максим вам составит пару.

– Ну я очень прошу! Только один раз!

– Я составлю пару, – вызвался вдруг Ганимед.

Отец возрился на него, как пророк Валаам на ослицу. Таня тоже распахнула глаза, но парень уверенно поднялся, подошел, протянул ей руку.

– Я тоже люблю эту музыку.

Максиму с его места открывался весь уже почти пустой зал ресторана, разделенный эстрадой и круглой площадкой для танцев. Отец повернулся к столу боком, закурил. Официанты по его знаку начали убирать тарелки.

– Надеюсь, она не обиделась? Еще раз хочу отдать должное твоему вкусу – красивая девушка. И с характером.

– Спасибо, – кивнул Максим, глядя, как парень, обняв партнершу левой рукой, прижав к ее округлому свое стройное бедро, легко ведет ее в танце – раз-два, раз-два...

– Как ты, осваиваешься в новой должности? – спросил отец. – Если есть вопросы, я всегда готов помочь. Рад, что ты в команде.

Он говорил, то и дело возвращаясь взглядом к танцующей паре, рассеянно постукивая по столу портсигаром – раз-два, раз-два. Под лучом прожектора белое платье Тани и рубашка Ганимеда ослепительно сияли. Наблюдая, как они вышагивают по черно-белым вермееровским квадратам пола, Максим тоже вдруг почувствовал что-то, похожее на ревность.

– Он у тебя профессиональный танцор?

– Нет, – ответил отец рассеянно. – Я сам не ожидал.

– Ему ведь еще нет восемнадцати, мне сказали? Наверное, дорого тебе обходится?

Отец помолчал, потом спросил:

– Он тебе так неприятен?

– С чего ты взял? Напротив, даже забавно. Потом, о вкусах не спорят... Аве, Цезарь, аут бене – аут нихиль.

Отец поднял рюмку.

– Будь здоров.

Адамово яблоко двигалось под кожей, когда он глотал, – возвратно-поступательное движение, как в сексе – раз-два, раз-два...

Наконец Таня, обмахиваясь руками, упала на стул.

Ганимед, тоже раскрасневшийся, с испариной на лбу и подбородке, сел и налил ей и себе минеральной воды.

– Георгий Максимович, я хочу вам пожаловаться, – Таня наставила на юношу указующий пальчик. – Вот тут он все молчит и улыбается, а там меня нарочно сбивал с ритма глупыми шутками и дразнил... А я как корова на льду, пока привыкла, что его налево тянет... Воображаю, как это выглядело!

– Выглядело великолепно, Танечка.

Максим полюбопытствовал:

– И как же он тебя сбивал с ритма?

– А вот пускай сам повторит, что он мне там говорил! Почем два литра силикона и так далее...

– Ну что ж, больше не будем его приглашать в порядочное общество, раз не умеет себя вести, – произнес отец тем же тоном, каким отчитывал Максима в детстве: внимательно, насмешливо.

Было вдвойне неприятно – вспоминать эту его манеру и слышать тот же тон и слова в обращении к другому, постороннему, который отвечает на укор улыбкой и быстрым виноватым взглядом. В эту минуту Максим в полной мере ощутил, как отвратителен ему этот налаженный между ними беспроволочный телеграф взглядов, мимолетных касаний, приоткрытых губ. Ему вдруг захотелось стукнуть по столу ладонью, как делал дед, и крикнуть: «Прекратите этот цирк!»

Увидав, как к их столику подвозят тележку с чайной посудой и небольшим тортом, Таня забыла о своих обидах.

– Ой, мамочки, это в меня уже не влезет!

Отец поднял брови.

– Мы разве заказывали десерт?

Кому-то где-то Бог послал кусочек торта. Хотя грозился *вместо дождя послать на них град, палящий огонь на землю их...*

– Это комплимент от ресторана, – пояснил официант. – Наш фирменный торт «Маскарад». Для самой красивой пары вечера.

Максим посмотрел на отца:

– Ну что ж, снимем маски. Интересно, кто это самая красивая пара – мы или вы?

Таня хлопнула его по руке.

– Не примазывайся к нашей с Игорем славе!

– Нужно было мне идти в танцы вместо тенниса, – заметил Максим желчно. – Имел бы сейчас свой кусок торта.

– Ладно, с тобой я поделюсь. А вот Георгию Максимовичу не дадим. За то что он отказался танцевать...

Отец кивнул:

– Это справедливо.

– Что вы! – всерьез испугалась Таня. – Я же пошутила! Возьмите...

– Да нет уж, провинился – так останусь без десерта.

– Папа просто не любит сладкого, – пояснил Максим, отодвигая тарелку. – И я, кстати, тоже.

– Смотря какого сладкого, – пробормотал на это отцовский педик и непристойным движением языка слизнул крем с верхней губы.

Он явно дразнил Максима, и успешно – содрогнувшись от брезгливости, Максим обжегся чаем. Не замечая того что происходит, Таня вонзила ложку в торт:

– Какие вы счастливые! А я так люблю поесть. И так из-за этого страдаю! У меня есть четыре врага, с которыми я постоянно сражаюсь – четыре лишних килограмма... И безо всякого результата. Но я не сдаюсь! Интересно, если танцевать тут каждый вечер, всегда будут тортики давать бесплатно? Или дарят только разным парам?

– Мы можем меняться, – внес предложение Максим. – В общей сложности мы вчетвером можем заработать пять таких тортов...

– Шесть, – рассеянно поправил отец.

– А если еще добавить групповую пляску в различных комбинациях...

Губы и твердый подбородок отца сложились в усталую гримасу, но через секунду он вновь предстал застегнутым на все пуговицы отцовской снисходительности.

– Ты на чем приехал? С шофером?

– Сам на себе.

– Тогда я могу захватить... Или вы еще останетесь?.. Клуб же до утра?..

– Да нет, мы тоже поедем. Но я сам.

– Ну смотри. Ты выпил.

– Всего рюмку. Здесь недалеко.

Отец достал телефон.

– Как знаешь. Только будь осторожен. Леша, минут через десять мы выходим...

Таня оставила торт и подняла чашку с чаем.

– Георгий Максимович, я не успела, пока был портвейн, но все равно я хочу выпить. За вас. Спасибо вам за этот вечер... Честное слово, если бы я вас встретила раньше, я бы влюбилась в вас вместо Максима.

Он с некоторым принуждением улыбнулся.

– Благодарите себя, Танечка. Мне, в свою очередь, было очень приятно... Танцевали вы великолепно.

Максим, все сильнее раздражаясь на нее за бестактность, за бестолковый восторг, на себя – за свое раздражение, а на отца – за хладнокровие, заметил:

– Не много бы ты выиграла.

Отец пропустил и это. Не торопясь, закурил.

– На самом деле ваше, Таня, отношение к миру, такое открытое, показалось мне очень привлекательным. Может быть, вам удастся научить этой непосредственности Максима. А то он у нас *философом в восемнадцать лет, условий света свергнув время*... Ницшеанский сверх-человек, одним словом.

– Я постараюсь, – кивнула Таня с глупой серьезностью.

Максим ощутил новый прилив злости.

– К твоему сведению, я давно уже не увлекаюсь Ницше. И мне уже давно не «осмнадцать».

– Ну прости, пожалуйста, – пожал плечами отец. – Хотя тут нет ничего зазорного. Ницше – это как свинка. Лучше переболеть в соответствующем возрасте.

– Я никогда этим не болел, – вскипел Максим. – Откуда тебе знать?.. Каждая философия стоит одна другой... По крайней мере у Ницше есть несколько идей, с которыми нельзя поспорить, ты сам им следуешь!

– Не исключено.

– Это очевидно! Я могу даже напомнить: без удовольствия нет жизни, борьба за удовольствие есть борьба за жизнь... Угрызения совести есть нечто, от чего можно отучиться, у многих людей их совсем нет в отношении действий, при которых другие их испытывают!

Отец поднял руки, пытаясь отшутиться.

– Не в ярости твоей обличай меня, и не во гневе твоём наказывай меня!

– Различие между добром и злом определяется мерой и устройством интеллекта... Как беден был бы человеческий дух без тщеславия!

– Там не про это, – вдруг перебил отцовский приятель.

Максим вскрикнул с досады:

– Где – там?..

– Там про то, что некоторые люди могут быть выше других и сами могут определять, где зло, а где добро, как им удобней.

Отец картинно взялся за голову.

– И ты, Брут? Только не Ницше!

– А чем тебе *это* не нравится? – воскликнул Максим, резко поворачиваясь к отцовскому любовнику. – Приятнее верить, что все произошло от одной обезьяны?

– Я не хочу быть выше других.

– Ты никогда и не будешь, сладкий мой, можешь не беспокоиться.

В пылу злости Максим не заметил, как раскачал стол. Теперь чашки и тарелки звенели в тишине.

– Ну-ну-ну! – запоздало пробормотал отец. – Остановись...

Лицо его как-то в минуту посерело и осунулось, как бывает в утреннем похмелье. Он взял с колен салфетку и бросил на стол.

– Остановись, пожалуйста... Третий час ночи, поздновато для философских баталий. Пора и честь знать. Пойдемте.

Они вчетвером остались последними в зале. Оркестр уже исчез с эстрады, только усталые официанты стояли в проходах.

Максим внезапно успокоился. Ему даже сделалось весело в первый раз за весь этот вечер. Он улыбнулся отцу.

– Платить не будем?

– Я уже расплатился.

– Может быть, пройдем через клуб? – неуверенно предложила Таня, которой, видимо, хотелось бросить прощальный взгляд на сливки стильной молодежи.

– Конечно, мне самому любопытно, – согласился отец. – Только там, наверное, тоже уже никого не осталось.

– Что ты, папа, там самый разгар.

Максим оказался прав – в клубе полным ходом шла вечеринка. Гремела музыка, вращался лазер; под лучом платье Тани и рубашка Ганимеда начали ослепительно вспыхивать, затемняя лица и руки, каждую секунду обращая их в негативы моментальных, один за другим сделанных снимков. Вращался пол. Невнятные лица всплывали в водовороте и тут же пропадали.

– Может быть, правда еще останемся? – закричала Таня, оборачиваясь.

– Нет! – крикнул Максим в ответ.

– Почему?!

Одно бледное лицо с бородкой вдруг застыло прямо в воздухе, и она прыгнула, вздрогнула, натянула вожжи.

Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...

Максим обнял ее сзади:

– Идем...

Она подчинилась его мягким подталкиваниям, на ходу оборачиваясь:

– Пока!! Звони!! Я во вторник буду в джаз-клубе!!

На улице сильно похолодало, но все они, даже Таня, глотнули воздуха с удовольствием и с облегчением.

– Какой-то сегодня вечер встреч! Это Гриша, я тебе про него говорила, он режиссер...

Растрепанный Гриша выскочил за ними.

– Можно тебя на два слова?

Таня испуганно оглянулась.

– Ради бога, – разрешил Максим.

Навстречу им по ступеням поднимался другой человек с бородкой, в блестящих ковбойских сапогах, в переливчатой, тончайшей лайки куртке с бахромой.

– Какие люди, – проворковал он, протягивая отцу обе руки. Они расцеловались.

– Здравствуй, Сережа...

– Просто по-человечески завидую – всегда с ним самые красивые в городе мальчики.

– Познакомься, это мой сын.

Тот конфузливо усмехнулся, но тут же нашелся:

– Язык мой – враг мой... я-то подумал – каких красавцев Георгий Максимович набрал в секьюрити. В таких и стрелять рука не поднимется. Обедали? В клуб заглядывали? Ну как?

– Сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют... А ты – Мороз-воевода... С дозором?..

– Обхожу, обхожу владенья свои. И всегда он в блеске остроумия!

– Я сам себя выношу с трудом, Сережа.

Таня с виноватым, несчастным лицом слушала своего утопленника, тот размахивал руками. Отцовский юноша терпеливо ждал в стороне, дергая молнию на легкой курточке, поживаясь от холода. Наглое выражение сошло с его лица, сменившись нервным беспокойством.

– Слышал, какие у нас рейтинги? – спросил его Максим. – Самые красивые мальчики в городе, говорят. А ты куда обычно ходишь? По «голубым огонькам»?

Тот покачал головой.

– Нет. Я в гей-клубе был только один раз. В Барселоне.

– Это папа тебя возил в Испанию?

– Да, возил. В сентябре.

Максим вспомнил залитую солнцем веранду, белое вино. Бабье лето.

– Я смотрю, тебе с ним крупно повезло.

– Повезло, – согласился тот.

Максим сделал еще шаг вперед.

– А знаешь, я тоже люблю эксперименты в сексе... И моей девушке ты понравился. Может, нам устроить как-нибудь приватную вечеринку? Без взрослых? Сколько ты берешь за ночь?

Игорь молчал, не глядя на Максима, снова пытаясь застегнуть заедающую молнию на куртке.

– Ну, думай быстрее... Папа возвращается.

– Так давай и его тоже пригласим?

– Куда это тебя приглашают? – спросил отец, подходя.

Парень повернулся к нему.

– На вечеринку без взрослых.

Отец дернул щекой, изображая условную усмешку.

– Вот как? Взрослый, надо понимать, – это я?

Подошла Таня.

– Извините, я знакомого встретила... Это Гриша, он режиссер...

Отец быстро привлек ее к себе, поцеловал в щеку.

– Всего хорошего, Танечка. Смотрите за Максимом, чтобы без происшествий. – И, подавая руку Максиму, заглянул в лицо стальным взглядом. – Был рад увидаться. До понедельника.

Когда они с Таней отъехали от клуба, Максим спросил:

– Ну, и что твой Федор Комиссаржевский? Люди, львы, орлы и куропатки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде?

– Перестань, – пробормотала она.

– И те, которых нельзя было видеть глазом...

– Ну я прошу тебя, Максим!

В голосе ее звучала неподдельная обида.

– Что-то случилось?

Она помолчала.

– Нет, все здорово... Все замечательно. Твой папа замечательный. Похож на Джорджа Клуни...

– Да, ему бы пошла роль Бэтмена. «Дорогая, я не создан для семьи. Во мне есть что-то такое, чего ты не знаешь».

– Мужчины, наверное, все не созданы для семьи.

– А как тебе папин бойфренд? Занятное создание. Этаким ангел-олигофрен. Отвратительно, конечно.

Максим резко рассмеялся, чтобы заглушить фальшь в собственном голосе.

– Почему отвратительно? – удивилась Таня. – Ты же и раньше знал?..

– Да, знал, но это было где-то там... Вроде шутки, понимаешь? Развлечения пресыщенного человека. Раньше он никогда не выводил их открыто, не сажал с нами за один стол! Пойми, я миролюбив, как папа римский, я ничего не имею против геев-парикмахеров, модельеров и танцоров. Но есть определенный общественный статус, репутация... А он не видит, не понимает, что смешон!

Таня пожала плечами.

– Он вовсе не смешон. Просто хочет быть свободным.

– Да к черту эту политкорректность! Насмотрелись все идиотских фильмов... Какая тут свобода, когда один платит, а другой продается? Просто он наплевал на всех нас – делаю что хочу, а вы думайте что хотите! Ему плевать, что мне стыдно за него, что мне отвратительно, что этому мальчишке семнадцать лет, а ему почти сорок пять!

– Ну и что?! – воскликнула Таня. – Им же хорошо вместе, это же видно! И никакой он не олигофрен. Нормальный парень, даже очень симпатичный. И, как мне кажется, во многом взрослее тебя!

– А, значит, я отлично угадал, что позвал его к нам третьим? Прекрасно, будем разнообразить наше сексуальное меню. Заодно и сам попробую, вдруг понравится? И берет недорого.

Таня отвернулась.

– Иногда ты бываешь такой неприятный... Со своими шутками. Такой циничный. И холодный. Как будто я тебя совсем не знаю.

– Холодно, холодно, холодно! – поддразнил он. – Пусто, пусто, пусто...

Она вдруг прижала к губам ладонь, готовая расплакаться.

– Что такое? – Максим остановил машину у обочины. – Ну-ка, прекрати. Что этот Мейерхольд тебе наговорил?

– Ладно, неважно, – она начала искать в сумочке салфетки. – Я сама виновата.

– Приревновал?

– Он просто сказал, что я... связалась с тобой ради денег... А это неправда.

– А чего ради ты со мной связалась? – любопытствовал Максим, чувствуя, что и в самом деле хочет услышать ее ответ.

– Не знаю. Иногда я вижу, что в тебе очень мало хорошего. Ты злой, бесчувственный, самовлюбленный, равнодушный... И я тебе нужна не ради меня, а для себя самого. Я же вижу, ты просто решил что-то доказать себе. Да, все это красиво – розы, умные разговоры, рестораны. Но я же чувствую, что тебе неважно. Что ты мог бы найти любую другую дурочку, чтобы ставить свои эксперименты...

Слезы у нее высохли, щеки горели. Максиму вдруг захотелось поцеловать ее.

– Поедем к тебе? – спросил он, прерывая сеанс доморощенного психоанализа.

Таня вскинула голову, в ее взгляде сверкнул вызов.

– Запомни раз и навсегда – я терпеть не могу самодовольных мальчиков-мажоров, которые уверены, что весь мир лежит у их ног. И что все женщины мечтают выйти за них замуж или хотя бы трахнуть!

– Разве это не так? – спросил Максим.

– Не так, – очень серьезно ответила она. – Я могу тебе это доказать.

Чувствуя новый прилив злости, но не разрушительной, а какой-то щекотной и веселой, Максим с силой притянул ее к себе и прижался ртом к ее горячим податливым губам.

Глава седьмая. Пигмалион

*В дни молодой любви, любви,
Я думал – милей всего
Коротать часы – ох! – с огнем – ух! – в крови,
Я думал – нет ничего.*

Шекспир

В конце октября начались первые заморозки, и Георгий Максимович снова уехал – в Москву, а оттуда в Европу, где собирался пробыть больше двух недель. В ожидании его Игорь впал в душевную летаргию, бесчувственный сон на ходу. По утрам, еще лежа в постели, разглядывая выцветшие обои и желтые занавески в своей комнате, он уже предчувствовал скуку будущего дня, тягучий ток часов бессмысленного бодрствования. Он почти физически ощущал, как в отсутствие Георгия из его жизни улетучивается магия, осыпается позолота. На звонки в далекие страны был наложен строгий запрет, а сам его взрослый любовник звонил нечасто, и наконец Игорь стал бояться, что одним ненастным утром проснется и поймет, что никакого Измайлова нет и никогда не было. Что есть только этот продавленный диван, ванная с текущим краном, растрепанный том Ницше на кровати отчима и безысходное прошлое, в которое он вернулся уже навсегда.

В такие минуты, закрыв глаза, глотая безвкусный чай или повиснув на поручне в вагоне метро, как лемур на ветке, Игорь предъявлял сознанию весь перечень материальных доказательств существования Георгия. Он вспоминал вкус устричного соуса и сыра горгонзола, запах дорогой кожи в движущемся убежище, где можно было лечь головой на теплое под тонким сукном колено и чувствовать счастье спящей кошки; вспоминал ощущения своего тела, опустошенного и легкого по утрам, как высосанная ракушка.

В агентстве Игорь на время отвлекался от плетения спасительного кокона из вещества своей любви, лишь мгновеньями ощущая странность в том, что и без Георгия жизнь продолжает двигаться по своему кругу: занятия, тренировки, съемки, пицца в кафе на первом этаже или в стекляшке напротив. Обедал он почти всегда с Денисом, парнем с Украины, с которым их почти одновременно взяли в «Фэшн-Хаус». И хотя Денис был страстно любопытен, у Игоря все же хватало рассудительности не делиться с ним подробностями своих отношений с Измайловым. Игорь отчасти гордился своей выдержкой, пока вдруг не узнал, что именно это свойство его характера давно служит предметом горячего осуждения коллег.

– Понимаешь, все думают, что у тебя *корона*. Ну типа звездой себя считаешь, – призналась Катя Саламатина, Китти, как называли ее в агентстве и даже на официальных подписях к фотографиям. – Поэтому ни с кем не хочешь общаться. Я-то сразу поняла, что ты нормальный парень, но им же не докажешь. Борька Комаров еще пустил пулю, что ты вкладыш. Ну стукач. Измайлову передаешь все, что в нашем дурдоме творится.

Они ехали на показ коллекции начинающего модельера в каком-то полулегальном казино – Игорь сам не знал, зачем согласился на эту работу, которой раньше ему никогда не предлагали. Он помог Китти донести сумку до такси, а она предложила добираться вместе.

– Но я лично никогда в это не верила. Я же вижу, что у вас все серьезно. Кстати, тебе респект, как ты Измайлова поймал за яйца. Прямо надо опыт перенимать. Чтоб он столько долго с кем-то встречался – это прямо рекорд Книги Гиннеса! Ты, главное, дальше действуй по-умному, а то с тебя станется все прощелкать.

– Что прощелкать? – спросил Игорь, пытаясь прочесть смысл ее слов по выражению лица. Она засмеялась.

– Зайчик, не прикидывайся глупее, чем ты есть. Измайлов – единственный среди наших хозяев порядочный мужик. Он своим бывшим мальчикам всегда помогает устроиться. Женьке Винокурову контракт сделал в Германию, тот теперь в Мюнхене на телевидении работает. А Юрка Кошелюк попросил денег и в Москве открыл магазин спортивной обуви. Просто они оказались ребята с мозгами, а не только с чем-то между ног. Все знают, что Измайлов может быть хорошим трамплином, если захочет.

Слышать это было очень неприятно, но Игорь все же решился задать вопрос, мучивший его и раньше.

– А из тех, кто сейчас работает... с кем у него что-то было?

– Ну, это ты сам узнавай, я-то зачем буду конфликтную ситуацию провоцировать? Кстати, обычно такие вещи делаются втихаря, через Василия или через Фреда, даже мы не сразу узнаём. Поэтому все тогда припухли на открытии «Альмагеста», когда он сам за тобой в раздевалку заявился. И сразу повез тебя на своем водиле. И в Испанию он тебя возил почти открыто, и в рестораны, и все такое. В общем, чудеса, что он все делает *так*. У него же деловая репутация и всякая такая фишка.

– Я об этом не думал, – проговорил Игорь, хмурясь.

– Правильно, зачем тебе-то об этом думать, – пожала плечиками Китти. – Просто лови свой шанс, пока все не кончилось. Говорят, ты уже и с Максом Измайловым общаешься? Кстати, как он там?

– Нет, не общаюсь. Это у него *корона*.

Китти рассмеялась серебристым смехом.

– Да уж, это точно! А что ты хочешь – наследный принц.

Они вышли из такси у какого-то перестроенного заводского корпуса, и Китти присоединилась к ожидавшим ее девушкам, а Игорь спустился в подвальный этаж, в тесную комнату, которую им отгородили под примерочную.

Там между стойками с костюмами было одно только зеркало, и перед ним Андрей причёсывал Рената, а остальные толкались вокруг. Душная смесь запахов туалетной воды, пота и лака для волос волной перемещалась по комнате, как только кто-нибудь распахивал дверь.

Игорь нашел свою фамилию на подколотых к костюмам лоскутах бумаги, начал раздеваться.

– Ребята, ну сказано же, в одежде не курить! – крикнула, пробегая через комнату, администратор Наташа. – Сейчас Василий увидит и оштрафует всех! Давайте быстрее, перед началом проверка в коридоре.

Игорь так и не добрался до зеркала, только намочил волосы над раковиной в служебной уборной. После разговора с Китти он вдруг начал чувствовать на себе насмешливые и неприятные взгляды других парней, слышать шепот за спиной и даже одернул себя: «Станешь параноиком».

Через четверть часа они вместе с девушками выстроились в коридоре, и костюмерша быстро пошла вдоль ряда, одергивая складки, застегивая или распахивая пиджаки и рубашки, поправляя шарфы. Дизайнер двигался следом и высоким капризным голосом объяснял:

– Идея заключается уже в самом названии коллекции – «Инфант». Думайте о том, как важна здесь концепция сексуальности, изнеженности. Современный мужчина все больше становится женственным, рафинированным и желанным. Это мужчина-ребенок, анфан-террибль, красивая игрушка, одинаково привлекательная для женщин и для мужчин своего пола.

– И не бегать по языку, – добавил Василий. – Идем чёсом, в среднем темпе, ближе к медленному. Нормально фиксируем поворот! По четыре выхода, меняем быстро, прошли мужские, сразу пошла женская, без паузы. Всем понятно? Увижу, кто курит в костюмах, – будем прощаться. И не путать номера.

На первом же выходе Игорь ошибся. Он должен был завершать, за Борей Комаровым, но почему-то решил, что его очередь за Денисом. Боря отпихнул его локтем и быстро тихо прошипел:

– На плешке научился первым вагоном лезть?

Игорь не совсем понял значение этих слов, но ощутил колючую враждебность Бори. Они прошли. Василий подгонял, и Игорь вместе со всеми поторопился переодеться, путаясь в длинных плиссированных манжетах, в кружевах на обтачке рубашки. Продолжая размышлять над словами Китти и над обидной фразой Бори, он отработал второй проход, рассеянно глядя в зал, где блестели хромом и стеклом столы, смутно белели лица гостей.

В перерыве им принесли шампанское и кофе в бумажных стаканчиках. Игорь хотел подойти к Боре, но появился Василий Николаевич и снова начал кричать:

– Если я сказал в медленном темпе, не значит, что надо ползать как мухи по дерьму! Сейчас работаем в зале, у столов. Еще раз для тупых – улыбаться нужно, а говорить с гостями, пить и есть нельзя! И если хоть один инцидент с клиентами, всех оштрафую, разбираться не буду...

Игорь машинально сел на стул у зеркала, не слушая, размышляя о том, нужно ли отвечать Комарову. Но когда Василий вышел, Боря сам направился к нему.

– Ты такая простая, даша! Все стоят, а она сидит!

Он резко выбил из-под Игоря стул, и тот больно упал на копчик.

Кто-то громко засмеялся, их обступили. Стельмак, Ренат, Дима Лыков – все «старенькие». Всем было любопытно, чем закончится ссора. Сидя на полу, Игорь видел кривые, брезгливые усмешки на их красивых лицах, чувствовал, как прямо над головой сгущается враждебность.

Он медленно поднялся, глядя на Борю, белого от ненависти.

– Что тебе надо?

– Ты, дешевка, – воскликнул Комаров, срываясь на фальцет, – думаешь, если Измайлов тебе в рот пару раз кончил, ты уже звезда на болоте? Думаешь, мало вас тут было?

Злость вскипела в груди Игоря, заклокотала в горле, не давая дышать. Комаров вдруг отлетел, опрокинув стойку с костюмами, и тогда только Игорь сообразил, что ударил его в челюсть. Снова раздался смех, кто-то бросился поднимать Борю и костюмы.

– Вы дебилы оба, теперь всех оштрафуют из-за вас! – досадливо воскликнул Женька Стельмак.

Опомнившись, Комаров кинулся на Игоря.

– Сука, урод, убью! Он мне челюсть сломал!.. У меня кровь во рту...

Его удержали за руки.

– Ты сам урод, – постепенно приходя в себя, пробормотал Игорь.

– А ты бы правда заткнулся, Воеводин, – с угрозой посоветовал Ренат. – Ты один, а нас тут много.

– Если я захочу, вас никого тут не будет, – не узнавая собственный голос, произнес Игорь и, захватив с вешалки свою куртку, вышел в коридор.

Денис догнал его.

– Класс ты ему дал. И правильно! Они нам завидуют, что мы молодые, вот и бесятся. Как будто сами бы не пользовались. А Комарову и Ренату уже по двадцать пять лет! Я не хотел передавать, но они все время смеются над тобой и наговаривают... Что ты ходишь, как железный дровосек, и пред камерой – как колода, и двух слов связать не можешь. Что у тебя зажим и профнепригодность, а Василий тебя держит потому, что ты тогда Измайлову... ну, прямо в лифте, и все остальное. И что они вдвоем тебя... ну, это делают... вместе с Марковым.

Игоря передернуло от отвращения. В конце коридора он остановился.

– А ты куда? – спросил Денис.

– Домой, – ответил Игорь.

– Так вот и уйдешь? А Василий?..

– А что Василий? – Игорь сплюнул на пол. – Что он мне сделает? Оштрафует?.. Я, может быть, совсем из агентства уйду.

– А костюм?

Игорь сейчас только сообразил, что так и вышел в кружевной рубашке и брюках из зеленой парчи.

– Потом верну.

– Так, а что сказать Василию?

– Ничего. Нет, скажи – пошел он в задницу. И этим передай, что я им запомню железного дровосека. Я только пальцами щелкну вот так, и они об этом пожалеют... и про Измайлова в лифте... и про Маркова тоже!..

При этих словах лицо Дениса вытянулось. Игорь обернулся и увидел Василия и Маркова, подходивших к ним.

– Кто тут шумит? И что конкретно? – спросил Александр Николаевич, уставившись на Игоря веселыми желтыми глазами.

Игорь подумал, что Василий сейчас начнет орать, но тот молчал и только улыбался Маркову, словно невеста жениху. У Дениса было такое лицо, словно это ему, а не Комарову дали в челюсть.

– Ну, пойдем, расскажешь по порядку, – Марков повернул ручку двери с надписью «Вход воспрещен». – Уж ты как хочешь, Николаич, но этого бойца я забираю. А то в карты мне сегодня не везет, надо сваливать, пока штаны не проиграл.

Игорь хотел возразить, что уходит сам, но что-то объяснять сейчас было глупо, поэтому он молча вышел вместе с Марковым. Они оказались на площадке широкой лестницы, застеленной ковровой дорожкой. Охранник наставил на них рацию, но Марков остановил его жестом.

– Спокойно, родной, свои. Ситуация под контролем.

И, сжав руку Игоря выше локтя, повел его вниз.

На улице, под козырьком подъезда, Игорь высвободился. Сильный холодный дождь хлестал по асфальту, и пятна фонарей вдоль трассы расплывались, как если смотреть сквозь слезы.

– А ты, оказывается, конфликтный пацан, – заметил Александр Николаевич. – Хотя тут я поддерживаю. Бывает, люди слов не понимают. Лучше один раз в рыло сунуть, чтобы знали, с кем ведут базар.

Игорь немного удивился, что он уже знает подробности их с Комаровым ссоры. Хотя спиртным от Маркова не пахло, он казался подвыпившим и был в хорошем настроении. Глядя на его круглую голову и пушистые усы цвета соли с перцем, Игорь подумал, что он похож на крепкого задиристого кота.

– Ну что, подвезти тебя?

– Спасибо, не надо, я машину поймаю, – Игорь натянул куртку на голову, чтобы выйти под дождь.

Марков пикинул брелоком сигнализации своего «лэнд-крузера».

– Хрен тут поймашь. Вокруг промзона, там – выезд на кольцевую. Да не ломайся, что ты как школьница после первых месячных! Куда тебе?

– На Пионерскую.

– А мне в Коломяги. Соседи, значит.

Под защитой стеклянного навеса они вышли на стоянку, и, поколебавшись, Игорь забрался в высокий джип. Марков включил музыку, рванул с места и прямо по тротуару выскочил на пустую дорогу, развернулся на двойной сплошной.

Приемник в машине был настроен на «Русский шансон». Мужской голос проникновенно выводил под мелодию вальса: *«В тебе было столько желаний, и месяц над нами светил...»*

– Ну, так чего вы там не поделили? – убавив громкость, любопытствовал Марков. – Или они всё возвышения тебе не могут простить?

– Какого возвышения?

Тот поднял брови, делано удивляясь.

– А какого еще тебе надо?

– Мне ничего не надо, – отозвался Игорь.

– Да ну? Вот мне повезло сегодня. Встретил бескорыстное сердце. Может, и дяде Саше тут чего отвалится за здорово живешь?

Игорь отодвинулся от него, отвернулся к окну.

Дождь заливал стекла машины, безлюдные улицы, темные дома. Игорь, в последние дни как-то утративший чувство времени, вдруг сообразил, что уже полночь.

Марков спросил, глядя на дорогу:

– А знаешь такую песенку? Как положено друзьям, все мы делим пополам... И снежинку, и дождинку.

Он вдруг резко остановил машину.

– Ну что, стажер, наладим контакт?

Игорь отпрянул, на шаривая ручку двери, чтобы выскочить наружу.

– Умора с тобой, ей-богу! – Марков расхохотался, показывая щель между широкими передних зубов. – Сиди, кому ты нужен. Сигарет пойду куплю.

Увидев, что они стоят перед ночным магазином, Игорь понял, каким выглядит дураком. Мягкий голос из радио все повторял припев вальса: *«Как было тепло, что нас с тобой вместе свело, девочка-пай, рядом жиган и хулиган...»*

Через залитые дождем окна магазина он видел, как Александр Николаевич покупает сигареты, минеральную воду, еще какую-то мелочь – шоколадки, леденцы в коробочках. Кто-то позвонил ему, и он вернулся к машине, плечом прижимая к уху коммуникатор, отрывисто отвечая:

– Да, получили. Само собой, мин херц, как только – так сразу. Доработаем и зашлем.

Он кинул в ноги пакет с покупками, подмигнул Игорю, показывая на трубку.

– Ты-то как там? Смазал лыжи парочке альпинистов? А калькуляторшу не оприходовал еще? Смотри, она же скользкая рыба, уплывет из-под носа. А у нас дождь льет, мозгляво. Вернешься, я смотаюсь на недельку в Таиланд с семьей. Кстати, тут тебе привет передают. Помнишь парнишку, на открытии подарки разносил, Игорь зовут... Тут у меня под бочком. Хочешь поговорить?

С ощущением нелепости и непоправимости происходящего Игорь взглянул на Маркова, взял трубку и сразу начал путано объяснять:

– Мы просто были в казино, так случайно получилось. То есть мы в машине, я домой еду... Там хорошая погода? А у нас тут дождь, просто льет как из ведра.

– В казино? – переспросил Георгий чужим, неузнаваемым голосом.

– Да, но мы уже вышли. Тут был показ, я согласился, раз тебя нет... Когда ты приедешь?

– Согласился, раз меня нет? – уточнил Георгий таким тоном, что у Игоря упало сердце.

– Просто, чтобы он меня подвез...

– Хорошо. Дай мне Маркова.

Игорь отдал телефон. Александр Николаевич сначала фыркнул в трубку, затем улыбка сошла с его лица.

– Да ладно, что ты с этим тендером? Все нормально будет, не первый раз замужем. Фридман обещал... Сказано – сделано. Да, понял... Постараюсь. Хорошо, без «постараюсь» сделаю, сказал. Тебе тоже не скучать.

Он убрал телефон, нашарил в пакете у своих ног сигареты, открыл окно.

– Блядство, так и льет...

В эту минуту Игорь понял, что все это – случайную встречу, приглашение подвезти, телефонный разговор – Марков подстроил нарочно. Он пришел в казино, узнав от Василия, что Игорь будет там, зная, что Георгий будет звонить примерно в это время.

– Зачем вы так сделали? – проговорил Игорь, заглядывая Маркову в лицо и убеждаясь в справедливости своей догадки.

– Что я сделал? – покривился тот.

– Зачем вы сказали про меня?

Марков смотрел на дорогу перед собой.

– А чего ты схватил измену? И вопросов много задаешь. Учти, с таким характером тебя нигде долго терпеть не будут – ни в коллективе, ни в койке.

– Это не вам решать, – ответил Игорь резко.

– Ну-ну... Знаешь анекдот про гнома? Уже такой большой, а еще веришь в сказки.

Он высадил Игоря возле метро, на углу проспекта.

Дождь на какое-то время утих, но по асфальту текла грязная вода; глинистая тропинка под домом, где Игорь обычно срезал путь, превратилась в болотце. Чтобы не испачкать дизайнерские брюки, он старался обходить или перепрыгивать лужи, но ботинки все равно промокли; на душе у него было смутно, как будто и на нее налипла грязь. Случайно он взглянул на окна и увидел, что в кухне и в комнате отчима горит свет. Это был дурной, тревожный знак.

Тогда только он вспомнил, что несколько дней назад тетка говорила про дядю Витю. Кажется, тот звонил из своей «горячей точки». Погруженный в мечты, Игорь, почти не слушал ее, о чем теперь пожалел. Это была самая длительная и дальняя командировка отчима, и он мог, как часто делал, вернуться раньше срока, никого не предупреждая.

При этой мысли Игорь почувствовал холод в животе, но тут же успокоил себя – не может быть, чтобы все так сразу. Просто тетка моет в квартире полы.

Он успел только вставить ключ в замок, как дядя Витя распахнул дверь изнутри.

На отчима была свежевыглаженная серая рубашка, в вырезе виднелась золотая цепь. Лицо его потемнело от загара, волосы и брови выгорели. А глаза, голубые, как застиранный ситец, сделались еще светлей.

– Ты знаешь, сколько времени? – спросил он вместо приветствия, цепко оглядывая лицо и прическу Игоря, куртку, парчовые штаны.

Тетка, маячившая за его спиной, попыталась прийти Игорю на выручку.

– Я тебе говорила, Витенька, их иногда задерживают допоздна. Но он меня всегда предупреждает, звонит заранее. Мне тоже не нравится, что поздно, но деньги хорошие платят...

– Язык есть, сам ответит, – потребовал отчим, и Игорь почувствовал, как стремительно уменьшается под его взглядом, словно герой какой-то мрачной сказки. – Ну?

– Я по работе задержался, – выдавил из себя Игорь, стараясь побороть первый приступ паники. – Так получилось. Я не хотел.

– Ну, дальше! Что дальше?

– Я больше так не буду...

– *Что* ты не будешь?

– Опаздывать...

– Что еще нужно сказать?

– Тетя и отец, извините меня, пожалуйста. Я не хотел вас огорчать...

Дядя Витя посторонился. Тетка заморгала Игорю из-за его плеча.

– Поцелуй отца-то, четыре месяца не виделись!..

Отчим ждал, и, преодолевая страх, Игорь подался вперед и чмокнул сухую горячую щеку.

– С приездом.

Тот замер на секунду – Игорь видел, как на его шее шевельнулся кадык.

– Ладно. Иди, вымой руки и переоденься. Будем ужинать. А то, что на тебе сейчас надето, положить в помойное ведро.

В своей комнате Игорь снял дизайнерский костюм, сложил в пакет. Он действовал почти машинально, стараясь не думать о том, что мог увидеть и понять отчим по его лицу и одежде. Из сказки, в которой властвовал Георгий Максимович, Игорь словно вернулся в реальный мир, как девочка Элли, унесенная ураганом. Мысль о том, что он уже не сможет найти обратную дорогу в Изумрудный город, была такой пугающей, что он даже не хотел обдумывать ее до конца.

Стол был накрыт, тетя Надя вытирала хрустальные рюмки. Игорь сунул в мусорное ведро пакет с вещами, сел. Отчим достал из шкафчика бутылку коньяка и опустился на свое место, которое никто не занимал, даже когда тот бывал в отъезде.

– Ты бы предупредил, Витенька, когда приедешь. Я бы пирог испекла, – пробормотала тетка, нарушая напряженное молчание за столом. – А так получается простенько, непрязднично.

– Значит, нельзя было, раз не предупредил, – отрезал отчим сурово. – Я не на курорт ездил.

– Ничего, завтра поставлю тесто. С мясом, как ты любишь. А что еще приготовить? Оливье? Люди же придут.

– Я с утра на рынок съезжу, а с кладбища вернемся – *этот* тебе поможет. Оливье, жаркое с картошкой, нарезку. Список мне напишешь, что купить.

Поймав тень недоумения на лице Игоря, отчим вкрадчивым тоном, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовался:

– А у тебя какие планы на завтра? Кино, театр, дискотека? Может, ты наплевал, что твоей матери четыре года?

Игорь молчал, опустив глаза в тарелку. Из-за переполнявшей его любви он и в самом деле забыл про годовщину смерти матери, и теперь его сердце болезненно и виновато сжалось.

– Там, наверное, совсем размокло в такую погоду, – подумала вслух тетка. – Два дня льет.

– Не растает, не сахарный, – ответил отчим, разливая коньяк.

Тетка подняла рюмку.

– Ну, с возвращением, Витенька. За твоё здоровье. Слава богу, что всё благополучно. А то мы уже заждались.

– Я заметил, как вы заждались, – зло возразил дядя Витя.

Игорь взял рюмку и через силу проглотил немного жгучей жидкости с карамельным привкусом.

– А у нас всё ничего, – поторопилась успокоить его тетка. – Я все там же работаю, только один день отдала. Игорь зарплату приносит неплохую. Вроде бы нравится ему, дальше учиться хочет по этой линии. Стараются. Начальство его ценит.

Отчим криво усмехнулся.

– Ценит, говоришь?.. Понятно. А сам-то что скажешь?

– Работа как работа, – проговорил Игорь.

– Ну а ты расскажи подробнее. Нам же с Надеждой тоже охота приобщиться. Что там происходит, в мире шоу-бизнеса? *Как* ты там стараешься?

Игорь видел, как он бережно, по нитке, закручивает в клубок скопившуюся в нем злобу.

– Я пока учусь, – ответил Игорь через силу. – Иногда снимаюсь в рекламе. Одежду показываю... Сегодня был показ коллекции одного модельера. В ночном клубе, поэтому поздно.

– Ну, значит, нашел место в жизни? – повышая голос и взвинчивая себя, продолжал отчим. – Вышел в люди? Вот так – выставяться голым напоказ? Чтоб тебя приценивали, как кусок мяса в магазине?

– Я не хожу голый, – возразил Игорь, начиная задыхаться.

– И почему? Там ведь оно в порядке вещей?

Вилкой размазывая соус по краю тарелки, Игорь молчал. Как всегда во время таких допросов, он чувствовал себя виноватым, слышал предательскую дрожь в собственном голосе, даже когда говорил только правду. Дядя Витя, раскрасневшийся от гнева и коньяка, не сводил с него глаз.

– Как ты съездил, Витенька, расскажи, – заискивающе улыбнулась тетка, отважно принимая огонь на себя. – Интересная страна?

К удивлению Игоря, отчим позволил сменить тему. Наливая коньяк, он кивнул.

– Интересная. Пятый год засуха, продуктов нет, один опиум выращивают. Гуманитарную помощь сразу разворовывают и перепродают. Водохранилище высохло, даже в гостинице воду давали на час-полтора в день. Электричество тоже постоянно отключают. Деньги дешевые, как бумага, а дрова продают на вес, по килограммам.

– А мы всё жалуемся, – тетка покачала головой. – Вот где ужас-то, наверное.

– Как наши ушли, так война не прекращается. Дома стоят полуразрушенные, а в них так и живут семьи с детьми. И просто в железных контейнерах живут, как зверье. И порядки звериные, испражняются прямо на улицах, в канавы. Женщины выходят из дому все закрытые с головы до пят и в сопровождении мужчин. Иначе камнями могут забить. Считается, что женщина – это тень мужчины.

– А что у них по вере? Мусульманство?

– Ислам. Перед нами французы ехали из Красного Креста – подорвались на растяжке... Мы в Москву прилетели как из ада в рай. В аэропорту светло, чисто, в гостинице – горячий душ.

Он выпил и налил еще.

– Но и у нас, я заметил, черных больше становится с каждым годом. Пустили в дом зверье, а эти твари быстро наглеют. Дальше будем терпеть, они нас на улицах резать пойдут.

– Это точно, совсем хозяевами стали, – вздохнула тетка. – Сама видела, на рынке черный женщину ударил. Что она у него перец украла. А она взяла, потому что недовес...

Радуюсь, что отчим оставил его в покое, Игорь еще какое-то время давился вареной картошкой, потом положил вилку.

– Спасибо. Можно я пойду?

– Пойдешь? – вдруг вскинулся дядя Витя. – А что, неинтересно? Или так устал от своей работы? Ты хоть понимаешь, откуда я приехал?.. Что из этой мясорубки не каждый возвращается?.. Или как? Лучше бы на mine подорвался? Этого ты хотел? Смотреть в глаза!

– Не хотел, – пробормотал Игорь, не поднимая головы.

Отчим стукнул кулаком по столу так, что зазвенела посуда.

– Я сказал – смотреть мне в глаза!

Его лицо побагровело, белки налились кровью. Но, глядя на него, Игорь с удивлением осознал, что не испытывает привычной паники. Только отвращение и подступающую к горлу дурноту. Он почувствовал, что и дядя Витя подспудно ощущает в нем эту перемену и начинает нервничать, словно человек, потерявший дорогу в темноте.

– Значит так, смотри и слушай, – продолжал отчим, все еще сжимая кулак. – Про свою работу блядскую забыл. Приказ не обсуждается. Я сам уйду из подразделения. Так что больше командировок не будет. Завтра поедем на кладбище, придут гости, и я поговорю насчет дальнейшего. Может, лучше тебя и правда отправить в этот призыв, сразу, как исполнится восемнадцать. Послужишь в нашем округе, получишь водительские права. Заодно дурь из головы выбьют.

– Как, Витенька, ты уходишь из подразделения? – искренне удивилась тетка.

– Перевожусь в запас. Может, преподавать. Хватит по войнам мотаться. Когда повысят, по деньгам будет не меньше.

Тетка закивала.

– Ну и правильно, и хорошо. Здоровье дороже. Что они, деньги – и так проживем.

Она хотела взять тарелку Игоря, но отчим кивком головы заставил ее сесть на место.

– Что ты прыгаешь вокруг него? Сам помоет. Слуг нет.

Игорь поднялся. Спиной чувствуя его взгляд, стряхнул остатки картошки в ведро, ополоснул тарелку и пробормотал:

– Спасибо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Игорек, – негромко отозвалась тетка.

В своей комнате Игорь открыл окно, закурил. Тучи разошлись, на небе высыпали звезды, мелкие и острые, как осколки стекла. Глядя на них, Игорь подумал о Георгии Максимовиче, который где-то в далекой Швейцарии сейчас спит, или пьет вино, или вот так же смотрит в небо. Еще в машине Маркова он почему-то уверился, что уже не сможет доказать свою невиновность, что Георгий даже не станет слушать его оправданий. И думать об этом было так же тяжело, как о дяде Вите, который снова явился, чтобы сломать и раздавить все надежды, которыми Игорь в последнее время жил.

Он вспомнил: *небесные тела, двигаясь в космосе по своим орбитам, издают прекрасный звон, эти звуки постоянно воздействуют на нас...* Почему тогда человеческая жизнь устроена так нелепо и несправедливо?..

Дядя Витя пришел в середине ночи. Он вошел бесшумно, в носках, постоял какое-то время у кровати, сдерживая дыхание, затем осторожно лег.

Он долго лежал без движения, а Игорь, с гулко стучащим сердцем, пытался дышать глубоко и ровно, притворяясь спящим, хотя оба знали, что он не спит. Потом отчим придвинулся ближе и осторожно дотронулся до него. Постепенно прикосновения становились уверенными и грубыми, но Игорь продолжал изображать глубокий сон.

Затем реальность исчезла. Повинуясь обратному отсчету, который вел дядя Витя, Игорь уменьшился в двенадцатилетнего мальчика и забыл всё, что будет с ним позже. Он лежал в постели с высокой температурой, мать ушла на работу, а дядя Витя монтировал фильм на компьютере. Нужно было выпить порошок, и отчим высыпал лекарство на ложку, а Игорь проглотил, и когда дядя Витя раздевал его, он никак не мог проснуться и закричать, как бывает во сне, когда нужно бежать, а ты не можешь пошевелиться.

Дядя Витя уже хрипло и жарко дышал ему в затылок, когда наступила очередь жестокой фантазии, которой Игорь всегда отдавался в этот момент. Перед его глазами быстро, но очень подробно разворачивался виртуальный мир компьютерной игры. В этой игре он вставал и сбрасывал отчима с дивана, бил кулаком в лицо и ногой в живот, а потом выхватывал из-за пояса свои космические бластеры и расстреливал дядю Витю с двух рук. Кровавые мозги и внутренности расплескивались в воздухе красивыми алыми брызгами.

После судорог агонии отчим еще минуты две лежал рядом, восстанавливая дыхание. Потом он встал и ушел. Игорь перевернулся на спину и, одной рукой вытирая текущие по лицу слезы, другой начал ласкать себя, пытаясь представить прикосновения Георгия Максимовича, мысленно отрывая и комкая страницу памяти, хранящую образ дяди Вити.

Потом Игорь хотел подняться и принять душ, но усталость пересилила брезгливость, и, натянув на голову одеяло, он уснул.

Утром, когда отчим уехал в гараж за машиной, а тетка ушла за хлебом, перед этим сунув Игорю спасенный из ведра пакет с дизайнерским костюмом, Игорь смог позвонить Денису. Тот ждал звонка.

– Слышь, чего было! Комаров с Ренатом так обделались, даже приятно посмотреть...

Захлебываясь от избытка злорадных чувств, Денис рассказал, как Боря с Ренатом и еще двое «стареньких» пожаловались на Игоря и потребовали его наказания. Но Василий собрал

всех и объявил, что Комаров уволен, а Ренат и другие доносчики оштрафованы на половину зарплаты. Про костюм не вспомнили, но кто-то из девчонок видел, как Игорь уехал с Марковым, и теперь все обсуждают эту тему.

– Кстати, вот интересно, – проговорил Денис задумчиво, – эти штрафы, на которые Василий нас опускает, куда они идут? Прикинь, он же никому не отчитывается – взял, и двести зеленых на кармане. – Денис никак не мог побороть провинциальный говор, и теперь у него получалось смешно – «узял». Он как-то признался, что решил дружить с Игорем, чтобы перенимать правильную речь.

– Ты говорил, у тебя сосед съезжает из квартиры? – спросил Игорь, который еще с вечера обдумывал свое нерадостное будущее. – Пока не нашел никого? У меня с теткой траблы. Можно, поживу у тебя дней пять?

– А чего тебе Измайлов квартиру не снимет? – поинтересовался Денис. – Нет, ты живи, без вопросов. Но мне надо хозяев предупредить.

– Я заплачу половину за месяц, – предложил Игорь и, расслышав, как кто-то открывает входную дверь, поторопился попрощаться. – Извини, мне тут надо идти. Ты будешь дома вечером? Тогда я приеду.

Дядя Витя позвал из коридора:

– Возьми пакеты. Мясо – в холодильник. Не в морозилку только, вниз. И включи мне свет в ванной...

Руки у него были испачканы машинным маслом, рукава засучены выше локтей.

– Аккумулятор ставил, изгадился. Готов? Заверни с собой пару бутербродов, пока переодеюсь.

Он вышел свежий, повеселевший, в новой белой рубашке, как будто собрался не на кладбище, а на парад.

– Поехали. Время поджигает.

И, подгоняя Игоря, похлопал его по спине, провел ладонью по плечу возле шеи, сильно сжал предплечье, ощупывая бицепс.

День был солнечный и ветреный. Полуистлевшие желтые листья налипли на крышу машины. Букет осенних хризантем на заднем сиденье источал горьковатый аромат. Отчим кивнул на пакет, лежащий рядом с цветами.

– Посмотри там, тебе привез. «Японка». Тридцать месяцев гарантии... У нас таких пока не продают.

Игорь вынул из пакета коробку с видеокамерой.

Еще полгода назад он бы жил радостью неожиданного подарка несколько дней, как было когда-то с велосипедом и компьютером. Но теперь не получалось даже изобразить любопытство: у Георгия была почти такая же камера, Игорь научился пользоваться ею в Испании.

– Инструкцию прочитай сначала, – потребовал отчим, и Игорь развернул книжицу, делая вид, что разбирает английские слова. Вместо этого он украдкой разглядывал профиль дяди Вити – прямой нос и округлый подбородок с ямочкой, крупное ухо, выступающий кадык – и думал, что отчим чем-то похож на мраморные бюсты умерших людей в музее, которые глядят прямо в лицо друг другу пустыми белыми глазами.

– А ты не рад мне, как я вижу. Да, мартышка? – вдруг обратился к нему отчим.

– Рад, – ответил Игорь и снова взял в руки камеру. – Спасибо.

– Папа, – подсказал тот. Он почему-то любил, чтобы Игорь называл его отцом.

– Спасибо, папа, – повторил Игорь и отвернулся к окну.

У входа на кладбище построили часовню из красного кирпича, и ее крыша сверкала цинком. Оглядывая ровные ряды могил, тянущиеся почти до самого горизонта, Игорь подумал о том, как схоже это расчерченное пространство с однообразием городских новостроек.

Он всю жизнь прожил в спальных районах – сначала с матерью в общежитии, потом с отчимом в сером бетонном доме. Из их окон были видны точно такие же типовые многоэтажки. План судьбы, намеченный для Игоря дядей Витей, был вычерчен по тому же ординару.

– А что замок висит? – спросил отчим у рабочих, показывая на новенькую часовню.

Могильщики, крепкие парни в оранжевых безрукавках, заулыбались, переглядываясь.

– У Господа Бога выходной, – ответил, шурясь на солнце, один.

– Отпуск за свой счет, – поддержал шутку другой.

Дядя Витя отдал Игорю цветы, взял пакет с бутербродами, камеру, и они двинулись вверх по заасфальтированной просеке, разрезающей участок кладбища на две ровные части.

Игорь первый вспомнил ориентир – гранитный обелиск, как палец торчащий среди одинаковых низких песчаных плиток, – и за обелиском увидел сухой веночек над поблекшей фотографии. Он подумал, что в такой солнечный день смерть не кажется страшной и умирать проще, чем в пасмурную погоду или зимой.

Могила заросла сорняками. Вынув перочинный нож, дядя Витя начал срезать кусты цикория в ограде. Игорь зачерпнул в канаве ржавой воды, установил банку с цветами перед портретом, вминая донышко во влажную глину. Затем они сели на скамейку; отчим достал из пакета бутерброды, «маленькую» и три стакана, плеснул в каждый немного водки. Они выпили молча, не чокаясь. Дядя Витя вынул сигарету и протянул пачку Игорю.

– Да бери, что ты жмешься. Знаю же, куришь, все вещи пропахли. И водки выпей еще, ты же не за рулем.

Вдалеке, у кромки кладбища, над голыми тополями кружили стаи ворон, ветер разносил их грей; тучи быстро плыли в небе, шелестела сухая трава. Солнце немного пригревало лицо.

Игорь закурил, читая надписи на соседних памятниках, машинально подсчитывая разницу между датами рождений и смертей. Получалось, что мать самая молодая из лежащих рядом.

– Ничего не хочешь мне сказать? – наконец спросил отчим, глядя куда-то поверх крестов.

– Про что? – пробормотал Игорь.

– Например, чем ты *еще* занимался на этой работе. И с кем.

Чтобы не смотреть на него, Игорь поднял стебель цикория и осторожно перевернул на брюшко сонного жука-пожарника, обнаруженного в траве.

– Я ведь пойду туда и сам узнаю, – повысил голос отчим.

Игорь легонько подтолкнул пожарника стеблем и ответил, поднимая каждое слово, как камень:

– *Заодно расскажи, кто меня научил.*

И он, и дядя Витя знали, что это бунт, нарушение табу, преступление запрета. О том, что происходит ночью, нельзя говорить и даже думать днем, нельзя говорить и думать *никогда*. От волнения Игорь слышал нарастающий гул – шум крови в ушах – и как будто поднимался над землей, чувствуя в себе постороннюю огромную силу.

Дядя Витя хрустнул суставами, сминая в кулаке пачку сигарет.

– Я же тебя пришибу сейчас.

– Только попробуй, – прошептал Игорь. – Только попробуй меня тронуть.

Над кладбищем летел ветер, тучи быстро двигались по небу. Игорю вдруг представилось, что они перенеслись на чужую пустынную планету, где каждая вещь и мысль воплощена не в слове, а в образе прямоугольного могильного камня.

Опомнившись, дядя Витя вырвал у него из рук цикорий и раздавил ботинком жука. Ему нужно было оставить за собой последнее слово, и он заговорил с показной злостью, все больше распаляясь, словно хотел присыпать словами зыбкую почву неуверенности.

– Значит так. Что ты делал без меня, разбираться не хочу. Но теперь я приехал, и в моем доме будут мои порядки. Шляться больше не позволю, и про работу свою блядскую забудь.

Я не для этого тебя воспитывал и кормил десять лет. Если надо, наручниками к батарее пристегну, понял? Или изуродую, как бог черепаху. Раз обещал твоей матери, что характер твой переломаю, значит, так и будет. Ты понял меня, я спрашиваю, ты?..

– Понял, – не глядя на него, ответил Игорь.

– А теперь пошел к машине.

После пережитого напряжения Игоря охватила апатия. Он закурил и поплелся за дядей Витей к выходу с кладбища, где рабочие все так же сидели на свежих досках перед часовней.

Молча дядя Витя открыл дверь машины, завел двигатель, включил радио.

Игорь уже знал, что отчим постарается как-то отплатить ему за пережитые минуты слабости. И когда тот невдалеке от кладбища свернул на проселочную дорогу и заехал в редкий березовый лесок, Игорь догадался, что тот собирается делать.

Это было против правил – днем, в небезопасном месте, где их могли увидеть и где они могли видеть друг друга. Но это означало, что дядя Витя решил назначить новые правила. Заглушив мотор, он посмотрел на Игоря и притянул к себе его руку, и тот почувствовал, что не может не подчиниться молчаливому приказу.

Через полчаса, когда они уже ехали по трассе, отчим произнес первые за все это время слова:

– Сядешь за руль? Или все забыл, чему я учил?

Игорь пересел на водительское место, поехал, постепенно прибавляя газ. И подумал вдруг с каким-то веселым отчаянием, что если разогнаться до ста пятидесяти и протаранить бетонный столб, то все его проблемы разрешатся быстро и просто. Главное, чем ему не понравилась эта мысль – перспективой смерти рядом с дядей Витей, с которым он больше ничего не хотел делать вместе.

Они доехали до города, и, когда отчим остановился у магазина, чтобы купить сигарет, Игорь вышел из машины с другой стороны, сбегал по ступенькам в переход метро и поехал к Денису.

Глава восьмая. Числа

*Вещи, с которыми, как ты полагаешь, связано счастье, обычно
бывают орудиями пороков, стимулом сладострастия, приманкой
желаний, жесточайшими муками похоти.*

Поджо Браччолини

Переговоры шли трудно, чувствовалось недоверие и недопонимание немцев, которых не столько ободряли, сколько отпугивали обещания поддержки со стороны «административного ресурса». Было много вопросов по бюджету и по технической части проекта.

Марьяна, проработавшая всю документацию «на берегу», была готова разъяснять каждую частность, но в специфике производства инвесторы разбирались не лучше Георгия. А он насмешливо окрестил проект «наш город-сад», хотя речь шла о строительстве перерабатывающего производственного комплекса со сложной системой очистных сооружений. По-настоящему и немцев, и Георгия не интересовало ничего, кроме денег, – сроки окупаемости, проценты, гарантии, откаты.

Марьяна вела это дело по поручению отца и выступала его представителем на переговорах. Георгий представлял собственную компанию, подключив к разработке схемы финансирования своего друга и компаньона Вальтера Вербера. Швейцарец вызывал определенное доверие у немцев, к тому же им было удобно вести переговоры на нейтральной территории, в Женеве. Но и здесь решения по спорным вопросам не были достигнуты, и Марьяна уже заранее обдумывала, как отчитаться перед отцом.

Однако больше, чем провал переговоров, ее тревожило то, что происходило между ней и Георгием, выражаясь в полунамёках и скрытых знаках. Никогда раньше она не проводила так много времени с ним вдвоем и не могла представить, что, узнавая его ближе, подмечая всё новые его недостатки, она все безнадежней будет увязать в ловушке его обаяния – как жучок в песчаной ямке, вырытой скорпионом.

Порой казалось, что это Георгий изменился, вдруг доверился ей, решился открыть себя настоящего, без галстука и запонок. Но рассудок подсказывал, что эти перемены происходят в ее собственном сердце, которое теперь беспокоило ее куда чаще, чем обычно чувствительный желудок.

– Напомни, на какой коньяк мы спорили с Шулеповым? – спросил Георгий за завтраком в гостинице за три дня до намеченного отъезда. Он выглядел усталым и не таким свежим, как обычно, и для Марьяны это был дурной знак.

– По соглашению? – уточнила она, откладывая вилку.

– Да. Я помню, что обещал бутылку коллекционного «Пьера Феррана». А он, кажется, какой-то элитный купаж от «Курвуазье».

Марьяна пожала плечами.

– Сочувствую. Не нужно было спорить. С самого начала было ясно, что у нас слабая переговорная позиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.